

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА

(КГПУ им.В.П. Астафьева)

Факультет иностранных языков

Кафедра английской филологии

Направление подготовки 031200 – Лингвистика и межкультурная коммуникация

Профиль подготовки

специальность 031202.65 – «Перевод и переводоведение»

специализация «Письменный и устный перевод»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой английской филологии

_____ Т.П. Бабак

«__» _____ 2015 г.

Выпускная квалификационная работа

**ПЕРЕВОД ДИАЛЕКТА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАРКА ТВЕНА
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА»**

Выполнил студент группы 57А

А.О. Корабельникова

(подпись, дата)

Форма обучения очная

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент кафедры английской филологии Е.А. Штейнгарт

(подпись, дата)

Рецензент:

к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания Н.А. Бурмакина

(подпись, дата)

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТА КАК ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА	8
1.1 Понятие национального языка и его формирование	8
1.2. Формы национального языка	15
1.3 Особенности диалекта как формы существования национального языка	19
Глава II. ПЕРЕВОД ДИАЛЕКТА	24
2.1 Понятие эквивалентности перевода	24
2.2 Способы и приемы перевода диалекта	31
Глава III. РОМАН МАРКА ТВЕНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА» И АНАЛИЗ ЕГО РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ.	41
3.1. История и специфика диалектных форм в произведении	41
2.2. Сопоставительный анализ перевода диалектизмов в переводах Н. Дарузес и М. Энгельгардта	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68
ПРИЛОЖЕНИЕ	73

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современного мира, с его быстрым развитием информационных технологий и средств коммуникации, остро стоит вопрос о процессах глобализации. Она, с одной стороны, приводит к единению и стандартизации мировых культур, а с другой – вызывает стремление сохранить специфику и особенности родной культуры, повышает национальное самосознание.

Таким образом, возрастает роль переводчика художественной литературы – в качестве связующего звена в межкультурной коммуникации. На плечах переводчика всегда лежала непростая задача и ответственность за адекватную передачу художественного текста. В нашей работе мы бы хотели сделать акцент на том, что перевод – это в первую очередь орудие для передачи эстетики оригинала. Хороший переводчик, используя всё многообразие средств и техник перевода, добивается в первую очередь не полной передачи смысла, а воссоздания образов оригинала в голове читателя, обладающего другой языковой и культурной картиной мира. Перевод как средство межкультурной коммуникации позволяет носителям других языков получить представление об отраженной в оригинальном тексте действительности.

Одним из многих препятствий в осуществлении этой задачи переводчика может стать нестандартная лексика языка оригинала. Норма языка представляет собой сложное, историческое, не стоящее на месте социально-языковое явление. Это объясняет необходимость установления ее характеристик, сложность определений понятия языковой нормы и разнообразие ее трактовок, классификаций различными исследователями.

В современной лингвистике можно выделить «узкий» и «широкий» подходы к определению понятия языковой нормы. В первом случае норма понимается как основной признак литературного языка, во втором норма рассматривается как имманентное свойство всех экзистенциальных форм

национального языка, включая литературный язык, территориальные диалекты, жаргоны, просторечие и т. д. Один из самых «проблемных» пластов лексики языка – диалектная лексика и просторечия, которые наиболее близки к живому языку, ярче отражают менталитет и национальный характер. Знакомство с диалектной лексикой нужно, чтобы понимать обиходную речь, чтобы овладеть важной частью лингвострановедения, чтобы уметь расшифровать подтекст, остроты, ассоциативный план высказываний [Девкин, 1994, с. 5-6] – без этого не может обойтись действительно хороший переводчик художественной литературы. Понимание иностранного языка и его носителей – значимая проблема, в особенности для России, в которой в средних школах студентов учат только основам литературного английского языка. Но жители англоязычных стран используют другие слова, они используют сленг и диалектные контаминации, и это обширно выражается в классической и современной английской литературе.

За основу нашей дипломной работы мы взяли роман «The Adventures of Huckleberry Finn». Данное произведение Марка Твена перегружено диалектной лексикой. Именно через использование диалектов автор выражает классовую и культурную принадлежность героя.

Именно человек и социальная составляющая романа делают его особенным, не только как художественное произведение, но и как объект для исследования приемов перевода. Отклонения от нормы языка в речи персонажей являются особенностями территориальных и социальных диалектов. Раскрывая образы главных героев, автор использует социолингвистические особенности грамматического субстандарта, его соотнесенность с определенными слоями общества. Разнообразие лексики в романе доказывает предисловие, данное Марком Твеном. Писатель указывает, что в этой книге он использовал несколько диалектов: диалект негров штата Миссури, наиболее удаленные (провинциальные) формы юго-западного диалекта, обычный диалект округа Пайк в его четырех разновидностях. Из-за многообразия форм и смысловой наполненности

сниженной лексики, перед переводчиками этого текста встает непростая задача – эквивалентный перевод.

АКТУАЛЬНОСТЬ исследования заключается в том, что диалекты, являясь неотъемлемой частью языка, представляют собой одну из наиболее актуальных и противоречивых проблем современной лексикологии и переводоведения. Диалекты трудно поддаются переводу, и нередко использования традиционных техник перевода недостаточно для достижения полной эквивалентности. Диалект – не только живой и интересный предмет для изучения, но также незнание аспектов диалекта может стать причиной большого недопонимания между лицом, изучающим язык, и носителем языка, а художественный текст может потерять свою колоритность и ценность при переводе, что также определяет актуальность работы.

ОБЪЕКТОМ исследования послужили диалекты английского языка, представленные в романе Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и их перевод в работах Нины Дарузес и Михаила Энгельгардта.

ПРЕДМЕТОМ исследования стали способы и техники перевода диалектной речи в контексте художественного произведения на примере двух его переводов.

ЦЕЛЮ данной работы является выявление особенностей перевода диалектов, использованных в романе Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

Для достижения цели были поставлены следующие **ЗАДАЧИ**:

1. Рассмотреть способы формирования национального языка.
2. Определить понятие «диалект» в контексте формы существования национального языка.
3. Описать специфику диалектов английского языка.
4. Определить способы и приемы перевода диалекта, функционирующего в художественном тексте, на русский язык.
5. Провести анализ двух переводов художественного текста с точки зрения их адекватности, способ перевода, и эквивалентности.

МЕТОДЫ, использованные в работе: лингвистическое описание, метод сопоставительного анализа текста оригинала и перевода.

МАТЕРИАЛОМ исследования послужил роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и его переводы на русский язык в работах Нины Дарузес и Михаила Энгельгардта.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ работы заключается в том, что результаты данного исследования могут быть использованы в практике перевода художественных текстов, а так же в качестве материала для установления переводческих техник, использованных при переводе английских диалектизмов.

СТРУКТУРА работы определяется поставленными задачами. ВКР включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы, одно приложение.

Во Введении обосновывается выбор объекта исследования, устанавливаются его цель и задачи, определяется актуальность, описываются методы и источники исследования.

В главе I «Особенности диалекта как формы существования национального языка» освещаются механизмы появления национального языка, раскрываются виды национального языка, рассматривается понятие диалект с точки зрения отклонения от литературной нормы и его особенности.

Во главе II «Перевод диалекта» отображаются особенности художественного перевода, даются различные точки зрения на тему эквивалентности и адекватности перевода, отображаются переводческие трансформации, применяемые для перевода диалекта.

III глава «Роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и анализ его русскоязычных переводов» представляет собой практическую часть, в ней дается общая характеристика, история произведения, подробнее рассматриваются использованные в романе диалекты, а также указываются

результаты анализа способов перевода диалектов на примере двух русскоязычных переводов этого произведения.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования.

Список использованной литературы включает в себя 54 наименования.

В приложении указаны дополнительные примеры из произведения и его двух переводов.

Глава I. ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТА КАК ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

1.1 Понятие национального языка и его формирование

Национальный язык — это язык, существующий вместе с нацией, состоящий из литературного языка, диалектов, жаргонов, просторечия и арго [Словарь лингвистических терминов, 1964, с. 576].

Понятие национального языка не является общепринятым: разные ученые описывают его как исключительно идеологический конструкт, в то время как другие говорят о национальном языке как о системе с иерархической целостностью, внутри которой группируются языковые явления [Дешериев, 1968, с. 55-81].

Только в эпоху существования развитых национальных языков, литературный язык в качестве нормированного вида общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и выражает подлинную общенациональную норму.

Формирование национального языка идёт в направлении становления языковой нормы, приобретения литературным языком приоритетного положения по отношению к диалектам, а также, в борьбе за вытеснение главенствующего в культуре и/или политике других видов языка (латыни, церковных языков, языков стран-захватчиков в бывших колониях). Разговорная форма национального языка, формирующейся из разнообразных диалектов, по мнению некоторых специалистов, образуется уже под влиянием литературного языка.

Язык создается народом и является присущим народу из поколения в поколение. В своем развитии язык проходит несколько стадий и зависит от степени развития народа. На ранней стадии образуется племенной язык, затем язык народности и, наконец, национальный.

Национальный язык формируется на базе языка народности. Он является результатом процесса образования нации и одновременно

предпосылкой и условием ее появления. Национальный язык, вместе с общей территорией, экономикой и духовным складом — создает нацию.

Национальный язык стремится к становлению единственным средством общения всех людей данной нации. Хотя качества единства и единственности часто относительны, они принципиально отличают национальный язык от племенного языка, языка народности и делают его ярким признаком современной нации.

Обычно одна нация обладает одним национальным языком. Но бывает и иначе: в Бельгии говорят на французском и валлонском языках. В Швейцарии национальными языками являются немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки. И наоборот: несколько наций могут пользоваться одним языком, например в США, Англии, Австралии и других англоязычных странах оформляются национальные варианты одного языка — британский, американский, австралийский варианты английского языка.

Несмотря на стремление к объединению, национальный язык обычно не является литературным языком и реально включает в себя разговорную речь, народные диалекты, жаргоны. Объединяя не только общие элементы, но и изменчивые, свойственные отдельным разновидностям или формам своего существования, он постепенно сближает их, сглаживает различия местных говоров, устраняет жаргоны. Литературно-языковая норма, возникает из речи жителей столицы — объединителя нации, скрепляет даже столь противопоставленные формы, как книжная и разговорная, создавая литературную устную речь [Дешериев, 1977, с. 382].

Образование и развитие национального языка — сложный, длительный процесс, идущий неравномерно и разными путями у разных народов. При возникновении Германии ни один из региональных диалектов (хотя на некоторых из них уже была и сейчас есть литература) не мог претендовать на то, чтобы получить статус национального языка. Норма немецкого языка была искусственно сформирована на базе диалектов. Фонетическая норма была установлена лишь в конце XIX в.

У народов, задержавшихся в своем историческом развитии, формирование национальных языков проходит своеобразно. В Анголе, например, преобладают бесписьменные племенные языки, многие из них мало изучены, и выбрать из них опорный диалект при формировании общего национального языка затруднительно; вместо этого в стране используют португальский язык. Отказ от английского языка в бывших колониях приводит к затруднению просвещения, ибо язык нации пока не может обслужить все общественные потребности.

В России у ранее отсталых народов и народностей национальные языки создавались стремительно и сознательно: на научной основе разрабатывались азбуки, приводилась в норму грамматика, обогащался словарь (см. Младописьменные языки народов СССР).

С каждым годом на Земле появляется все больше национальных языков. Многие народы, например в Африке, поднимаются до уровня национального существования. Разделение стран, обладающих национальным языком с устойчивой литературной историей, не приводит к образованию новых языков: например, в Северной и Южной Корее люди говорят на едином корейском языке. Креольский язык (первоначально колонизаторский язык, измененный под влиянием родного) иногда становится национальным языком, как, например, на Гаити, где он вытесняет своего французского прародителя.

История формирования каждого национального языка индивидуальна и неповторима, однако можно проследить общие черты в этом процессе: национальный язык образуется, как правило, или на базе одного (более или менее однородного) диалекта, или на базе нескольких диалектов за счет частоты их использования. В любом современном развитом языке речь становится национальным языком отчасти благодаря историческому развитию языка, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и переселению наций, как в английском языке, и иногда

благодаря объединению диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической общностью.

Национальный язык, так же как и нация, является историческим явлением, возникающей вместе с образованием нации.

Первое различие между национальным языком и языком народности заключается в сфере их распространения и функционирования. Язык народности, по сути, является устной разговорной формой языка. Все остальные функции общения, особенно письменные, осуществляются при помощи другого языка, иногда даже другой семьи. В Англии, например, такие функции выполнял французский язык, что было обусловлено историческими условиями. На нём, например составлялись официальные документы. Латинский язык использовался в науке и религии. Главное различие языка народности и национального языка состоит в том, что национальный язык, как правило, имеет несколько форм - разговорную и книжно-письменную, то есть он используется во всех сферах культурной и бытовой жизни страны. Таким образом, потребность в создании национального языка возникает в период становления нации, во время развития обмена информацией между удаленными районами одной языковой территории в связи с экономической концентрацией и образованием единого внутреннего рынка.

Вторым отличием национального языка от языка народности следует считать различие в словарном составе языка. Это вполне естественно. Во время смены строя общества изменяются и вещи и явления, с которым это общество имеет непосредственный контакт. Таким образом из словарного состава выпадает целый ряд слов. Тем же образом, появление капитализма связано с появлением множества новых явлений, что вызывает появление новых слов и выражений для их обозначение. Таким способом и возникает указанное выше различие в словарном составе языка обоих периодов.

Третье различие заключается в разном состоянии диалектов в языке. В период языка народности местные диалекты являются, по сути, средством

устного общения. Национальный язык заменяет диалектные формы общенациональной литературно-разговорной формой языка, потому как они утрачивают свое значение в качестве средства общения, и постепенно ассимилируются в единый язык.

Четвертым отличием является отсутствие, как правило, единой орфографической нормы языка народности, потому что он обычно существует лишь в устной форме. Национальный язык обладает орфографической нормой, поскольку существует и в устном и в письменном пластах, и нормализованная письменность является обязательным условием [Арнольд, 1962, с. 295].

Известны два пути образования национального языка: первый состоит в том, что диалект или несколько диалектных форм ложатся в основу национального языка и развиваются вместе с ним, примером является английский язык. При другом пути единый национальный язык распадается вследствие политических или географических преобразований, а его местные диалекты становятся основой для создания отдельных национальных языков (например, язык в Южной Африке). Английский язык образовался из Лондонского диалекта, как диалект крупнейшего экономического, политического и культурного центра страны. В то же время, зоны распространения местных диалектов стали все более и более сокращаться. В 1439 г. в Англии в школах начали преподавать на английском языке, вместо французского, что распространило нормы национального языка среди различных слоев населения.

Литература так же является двигателем становления национального языка. В течение XIV, XV веков всё большее количество литературы пишется на национальном английском языке. Такие влиятельные писатели, как Джеффри Чосер (13407-1400), Джон Гауэр (13257-1408), и многие другие, используют в своих произведениях нормативный английский язык, при этом не лишены влияния диалектов. Несмотря на все диалектальные особенности литературных произведений XV века, мы можем проследить

масштабное распространение норм английского национального языка и одновременное отмирание диалектов.

Распространение книгопечатания требовало унификации английской орфографии и грамматики, создания нормы языка. Уильям Кэкстон был один из первых людей, решивших эту задачу, хоть он и придерживался устаревших правил, выходявших из употребления форм и написаний. Это оказало сильное воздействие на языковую норму того времени. Таким образом, формирование национального английского языка завершается во второй половине XV-XVII веков.

Условия феодализма были отличной почвой для развития диалектов, но при приходе капитализма даже отдаленные области оказались тесно связаны новой экономикой. Торговля, производство и потребление, участие в экономическом развитии страны требовало единства языка для всех членов общества. Это вынудило представителей английских диалектов постепенно отказываться от этой формы речи и принимать общенациональную норму языка. Происходило постепенно поглощение местных диалектов национальным языком - процесс, до сих пор протекающий в настоящее время. Географические диалекты продолжают еще сохраняться в отдаленных от столицы местностях как пережиток эпохи феодализма. Важно признать, что национальный язык не обходится без влияния диалектов – он обогащается за счет диалектных форм, слов и оборотов. Поэтому современный национальный английский язык нельзя считать простым продолжением лондонского диалекта - он впитал в себя целый ряд элементов из различных диалектов, т.е. носит, по существу, смешанный характер [Шурупова, 2007, с. 51-52].

В эпоху национального языка в ранненовоанглийский период наблюдается еще одно своеобразное явление - возникновение профессиональных жаргонов и арго. Эти условные языки отличаются от общеразговорного и литературного языка, и обладают социальной коннотацией.

Для общения с себе подобными деклассированные элементы прибегают к созданию арготических элементов на основе общенародной лексики, делая ее совершенно непонятной для окружающих. Так возникли различные английские арго. Профессиональные жаргонные и арготические элементы английской лексики объединяются обычно под общим недифференцированным названием *slang* [Антрушина, 2002, с. 288].

В течение XVII-XVIII веков английский язык выработал устойчивую литературную норму, которая была отражена как в многочисленных литературных произведениях, так и в трудах грамматиков и орфоэпистов. Из этого можно сделать вывод, что литературный английский язык XVIII века (собственно новоанглийский) отличается гораздо большей степенью стандартизации и регламентации, чем литературный язык XVI-XVII веков (ранненовоанглийский). Так, из литературного языка устраняются как неправильные такие конструкции, как двойное отрицание, существовавшие в языке с древнего периода, а так же формы прошедшего времени глаголов с чередованием типа *writ, drunk, sung*.

Выработка литературной нормы языка была связана с разработкой различных стилей речи. В XVIII веке, после появления устойчивых правил, в языке господствовал канцеляристский строгий стиль, в котором соблюдение норм являлось неотъемлемым элементом. Этот стиль сильно отличался от разговорного варианта языка.

В качестве протеста против этого стиля возник стиль романтической поэзии и прозы. Новый стиль допускал использование целого ряда сокращенных форм, принятых в разговорной речи: *isn't, wouldn't, didn't* и других разговорных конструкций.

Литературные произведения романтиков наполняется большим числом слов, взятых из разговорной речи, из произведений народного творчества, преимущественно из сказаний и баллад. Для романтизма характерна замена слов латинского или французского происхождения, обычно многосложных, простыми словами английского происхождения.

В XIX веке происходит значительное упрощение книжного языка, отраженное в использовании большого количества слов разговорной речи, упрощением синтаксических оборотов. В этот период происходит не только простое описание фактов английского языка, но и возникает научное изучение языковых явлений, их систематизация и теоретическое осмысление.

Таким образом, при помощи механизмов объединения разговорной речи и литературной формы языка формируется единый национальный язык.

1.2. Формы национального языка

По своей природе национальный язык не является однородной системой, что объясняется сильными различиями среди народа, говорящего на нем. Национальный язык не един литературной нормой, помимо неё он состоит из просторечий, жаргона, аргота, и диалекта. Рассмотрим каждую из этих форм по-отдельности.

Литературный язык – это общий язык письменности того или иного народа. Этот язык можно встретить в официально-деловых документах, его используют в системе образования, на нем говорит наука, публицистика, художественная литература, в общем, все проявления культуры, выражающиеся в словесной форме. Существуют письменно-книжная и устно-разговорная формы литературного языка, возникновение, соотношение и взаимодействие которых подчинены определенным историческим закономерностям [Филин, 1973].

Трудно указать другое языковое явление, которое трактовалось бы столь различно, как литературный язык. Одни убеждены в том, что литературный язык есть язык народа, только утвержденный авторитетными фигурами, такими как писатели и составители словарей; сторонники такого взгляда, прежде всего, имеют в виду литературный язык нового времени народов с богатой художественной литературой. Другие считают, что литературный язык есть язык письменности, язык книжный, то есть

противоположность живой речи, языку разговорному. Опорой такого понимания являются литературные языки с древней культурой письменности (существует сравнительно свежий термин "новописьменные языки"). Другие полагают, что литературный язык есть единый язык для данного народа, в отличие от диалекта и жаргона, не обладающими такой распространенностью. Сторонники такого взгляда иногда утверждают, что литературный язык может существовать и в дописьменный период как язык народного словесно-поэтического творчества или обычного права.

Наличие разных трактовок явления, обозначаемого термином "литературный язык", свидетельствует о недостаточном научном понимании специфики этого явления, его места в общей системе языка, его функции, его общественной роли. Но все ученые сходятся на одном - литературный язык является средством развития общественной жизни, материального и духовного прогресса данного народа, орудием социальной борьбы, а также средством воспитания народных масс и приобщения их к достижениям национальной культуры, науки и техники. Литературный язык - всегда результат коллективной творческой деятельности [Виноградов, 1967].

Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к объединению языковых форм в общее целое, и введение этого языка в разные сферы народно-культурной и государственной жизни - как в устном, так и в письменном общении. Эта тенденция с не меньшей силой и остротой дает себя знать в формировании и функционировании языков социалистических наций, где процессы языкового развития протекают очень стремительно. Обычно различия между письменно-книжной и народно-разговорной формой литературного языка выступает как препятствие к развитию единой национальной культуры на пути прогресса, затрудняет общение между народом. Тем не менее, в некоторых странах даже окончательное формирование и развитие национального литературного языка еще не означает исчезновение двух его различных вариантов (например, в Норвегии, Албании, Армении), хотя и здесь тенденция к

единству национальных литературных языков становится сильнее. Общей чертой развития национальных языков является проникновение литературной нормы во все сферы и формы общения, речевой практики. Национальный литературный язык, все более вытесняя диалекты и ассимилируя их, постепенно приобретает общенародное значение и распространение.

Просторечие – одна из форм национального языка, которая не имеет собственных признаков системной организации и характеризуется набором языковых форм, нарушающих нормы литературного языка. Такое нарушение норм происходит из-за обособленности жителей отдаленных районов (деревень, посёлков) от языкового центра и культуры образования. Обычно говорящие на просторечии не осознают, что нарушают языковые нормы.[Сорокин, 1949].

По функциональной роли, относительно литературного языка, просторечие — самобытная речевая сфера внутри каждого национального языка. При этом просторечие, как и литературный язык, коммуникативно значимо для всех носителей национального языка. Будучи категорией универсальной для национальных языков, просторечие в каждом из них имеет специфические особенности и свои особые взаимоотношения с литературным языком.

В просторечии представлены единицы всех языковых уровней: отклонения от норм выявляются в области ударения, морфологии, лексики, фразеологии, словоупотребления. Особенно отчётливо своеобразие просторечия проявляется в употреблении элементов литературного языка, в грамматическом и фонетическом оформлении слов общего словарного фонда. Для просторечия характерны стилистически сниженные оценочные слова с гаммой оттенков от фамильярности до грубости, которым в литературном языке есть нейтральные синонимы.

В научной литературе распространён взгляд на просторечие как на совокупность описанных выше речевых фактов стилистического характера,

составляющих особый пласт, который используется в живом языке наряду с диалектизмами и жаргонизмами. Такое понимание просторечия находит отражение в лексикографической практике, в лексикологии — при выделении просторечной лексики и фразеологии, а также в стилистике — при квалификации отдельных форм, конструкций, вариантов произношения, характеризующихся перечисленными выше стилистическими чертами.

В общелитературном речевом обиходе термин «просторечие» нередко употребляют как обозначение отдельного слова или оборота сниженной или грубой окраски.

Жаргон – речь социальных и профессиональных групп людей. Его используют моряки, спортсмены, актеры, студенты и др. В отличие от территориальных диалектов жаргон не имеет свойственных только ему фонетических и грамматических особенностей. Для жаргона характерно наличие специфической лексики и фразеологии [Ожегов, 1953, с. 848].

Жаргонная лексика русского языка представляет собой переосмысленные, сокращенные, фонетически измененные слова русского языка и заимствованные из других языков, особенно английского. В английском языке эквивалентом жаргона является сленг.

Некоторые жаргонные слова и устойчивые выражения получают распространение и используются для придания речи выразительности и экспрессивности. Отдельные слова и словосочетания в настоящее время больше не воспринимаются как жаргонные, поскольку они давно вошли в литературный язык. Иногда как синоним к слову жаргон используется слово арго. Так, например, говорят о студенческом, школьном арго, имея в виду жаргон.

Основное назначение арго – сделать речь непонятной для людей, не входящих в конкретную социальную группу. Профессиональное арго помогало ремесленникам (портным, жестянщикам, шорникам и др.), а так же торговцам-ходебщикам (коробейники, которые продавали мелкий товар вразноску и вразвозку в небольших городах, селах, деревнях) при разговоре

со своими скрыть от посторонних тайны ремесла, секреты своего дела [Ефремова, 2005].

1.3 Особенности диалекта как формы существования национального языка

Диалéкт (греч. διάλεκτος — «наречие» от греч. διαλέγομαι — «говорить, изъясняться») — разновидность языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными между собой одной территорией.

Диалект является полноценной системой речевого общения (устной или знаковой, но не обязательно письменной) со своим собственным словарём и грамматикой.

Люди объединяются благодаря общему месту проживания, по территориальному признаку. В качестве средства общения жители отдаленной от столицы, задающей норму речи, сельской местности используют диалект – одну из разновидностей национального языка. Диалект, как правило, образуется из совокупности говоров, которые имеют общие языковые черты и служат средством общения жителей соседних маленьких населенных пунктов. Территориальные диалекты имеют свои особенности, которые обнаруживаются на всех уровнях языка: в звуковом строе, лексике, морфологии, синтаксисе, словообразовании. Диалект может существовать только в устной форме, но в художественных произведениях может быть симитирован на письме. Диалекты русского языка – это результат феодальной раздробленности во времена образования Древней Руси, а затем Российского государства. Не смотря на влияние капитализма на жизнь народа, и расширение контактов между носителями национального языка, территориальные диалекты не исчезают, хоть и становятся менее выраженными. Процесс деградации диалектов происходит из-за глобализации, распространения средств массовой информации, появления таких явлений как интернет, телевидение и телефонная связь даже в самых отдаленных районах страны. Из-за доступности информации национальный

язык все сильнее навязывает свои нормы и стирает границы между диалектами.

Изучение диалектов представляет интерес с исторической точки зрения: диалекты хранят архаические черты, которые не отражаются в литературном языке. Изучение формирования литературного языка тесно связано с изучением диалектов, ведь он основывается на их базе. Для полноты картины необходимо знать, какие черты диалектов заимствуются; какое влияние в дальнейшем оказывается литературный язык на диалекты и наоборот. Без отклонений от нормы невозможно полностью познать норму, таким образом изучение диалектов служит прочной основой для исследования образования и развития значений слов. Ценность представляет каждая отдельная диалектная лексема, каждое диалектное значение, фонетическая или грамматическая особенность, независимо от того, являются ли они в настоящее время живыми, находятся в стадии отмирания или уже вышли из употребления.

Довольно сложно провести границу между понятием языковой вариант и понятием диалектная речь, т.к. согласно определению, оба их можно охарактеризовать как вариант произношения отдельно взятого языка, специфичного для определенной группы людей. Но следует помнить, что основное различие состоит в том, что некоторые языковые варианты обладают способностью становиться самостоятельными языками, чего никогда не произойдет с диалектной речью.

Диалект характеризуется отклонением от нормы языка. Такие отклонения классифицируются как лексические, фонетические, и грамматические. [Беляева, 1985]

Лексические отклонения от нормы

Наиболее распространенные отклонения от нормы на уровне слова и словосочетания сводятся к следующим типам:

1) смешение **семантически** различных слов вследствие сходства их формального облика (*привязь - перевязь: рука на привязи - вместо на перевязи*)',

2) смешение **формально** различных слов вследствие сходства их семантики (*последний - крайний* в ситуации очереди);

3) смешение синтаксически различных конструкций вследствие их семантической тождественности (*указывать на что, говорить о чем → указывать о чем*);

4) смешение **стилистически** различных единиц вследствие их семантической тождественности (*жена - супруга*);

5) смешение слов вследствие **формальной** и **смысловой** их близости друг другу (*стать - встать: стать на вахту - встать на вахту, река стала - река встала*);

6) контаминация **синтаксически тождественных** и близких по смыслу конструкций, включающих семантически различающиеся лексемы (*играть роль, иметь значение → играть значение*);

7) смешение **синтаксически различных** конструкций вследствие формальной и смысловой близости управляющих слов (*обоснованный чем, основанный на чем → обоснованный на чем*).

Теоретически возможные типы смешений, получающиеся при других комбинациях формального, смыслового, сочетаемостного и стилистического признаков (например, смешение формально и сочетаемостно сходных, но семантически далеких слов или формально и семантически близких, но стилистически контрастных и т. п.) в речевой практике встречаются редко.

Фонетические отклонения от нормы

Нормы произношения носят различный характер и имеют различное происхождение.

В одних случаях фонетическая система диктует только одну возможность произношения. Иное произношение будет нарушением законов

фонетической системы. Например, неразличение твердых и мягких согласных или произношение только твердых или только мягких согласных; или различение глухих и звонких согласных во всех без исключения позициях.

В других случаях фонетическая система допускает не одну, а две или несколько возможностей произношения. В таких случаях одна возможность признаётся литературно правильной, нормативной, а другие оцениваются либо как варианты литературной нормы, либо признаются нелитературными. [Волкович, 1986]

При передаче диалектов отклонения от фонетической нормы часто показываются при помощи графики. [Третьяков, 1996]

Грамматические отклонения от нормы

Среди примеров нарушения грамматических норм можно выделить следующие пункты:

1. Двойное отрицание (часто используется для усиления). "I did not kill nobody"

2. Двойное указание на грамматическое время "I didn't knew" вместо "didn't know".

3. Пропуск личных местоимений в начале предложений.

4. Употребление местоимения в неправильной форме "between you and I" (вместо "me"). "If you have any questions see Mr Jones or myself (вместо "me").

5. Усиление степеней сравнения прилагательных с помощью дополнительных неправильных форм.

6. Пропуск артиклей как определенных, так и неопределённых. Определённый артикль часто выпадает в традиционных конструкциях ("in USA"; "to enter first grade"), но появляется в фразах, где его традиционно не было: в названиях уникальных явлений, с именами собственными и т.д. ("On the Saturday"; "The Trafalgar Square"). [Силько и др., 1992]

7. Нарушение порядка слов (в особенности в вопросах).

8. Пропуск сказуемого или его части.

9. Нарушение согласования подлежащего и сказуемого. "She's got a ticket to ride and she don't (вместо doesn't) care."

10. В поисках выразительных средств художественной речи носители диалекта иногда прибегают к словотворчеству, что показывает недостаточное владение разнообразием грамматических форм "Fergalicious"

11. Неправильное употребление времени. "Now, when I was a little boy at the age of five I had smthin' in my pocket keep a lot of folks alive."

12. Изменение формы слова с целью поддержания рифмы. "Song she sang to me, song she brang to me."

13. Неправильное произношение слов, а именно 'spelling' (произношение слова по буквам, что в целом несет в себе ошибку в правописании). "T, to the A, to the S-T-EY, girl you tasty". [Самсоненко, 1974]

Глава II. ПЕРЕВОД ДИАЛЕКТА

2.1 Понятие эквивалентности перевода

Эквивалентность перевода определяется как степень семантической (смысловой) близости текстов оригинала и перевода.

Если мы сравним некоторое количество текстов на ПЯ с их оригиналами на ИЯ, мы увидим, что степень семантической близости между любыми двумя текстами, задействованными в переводческом процессе, может варьироваться. Другими словами, эквивалентность текста на ИЯ и текста на ПЯ может быть основана на воспроизведении различных элементов содержания текста оригинала. В связи с этим можно выделить несколько типов эквивалентности перевода.

Давайте сперва выделим переводы, в которых степень семантической близости с оригиналом кажется наименьшей. Этот тип эквивалентности может быть проиллюстрирован следующими примерами:

(1) Maybe there is some chemistry between us that doesn't mix.

Бывает, что люди не сходятся характерами.

(2) A rolling stone gathers no moss.

Кому дома не сидится, тот добра не наживет.

(3) That's a pretty thing to say.

Постыдился бы!

Здесь мы не находим каких-либо общих сем (единиц смысла) или инвариантных (взаимозаменяемых, синонимичных) структур в текстах оригинала и перевода. Кроме полного различия языковых единиц, мы видим отсутствие четкой логической связи между двумя фразами (на английском и на русском), которая могла бы позволить нам сказать, что эти фразы "об одном и том же", т.е. описывают одну и ту же ситуацию. Тем не менее, очевидно, что обе фразы имеют что-то общее, какой-то общий смысл. Ясно, что этот общий элемент их содержания имеет огромное значение, поскольку позволяет обеспечить адекватную коммуникацию.

Кроме того, этот общий элемент содержит информацию, которая должна быть сохранена любой ценой, даже если большая часть содержания оригинала будет потеряна при переводе.

Из приведенных выше примеров мы видим, что общим между оригиналом и переводом в каждом случае являлась лишь скрытая ЦЕЛЬ сообщения, подразумеваемый или переносный смысл, другими словами, тот смысл, который Рецептор перевода может вывести из всего высказывания как смыслового целого или же на основе тех ассоциаций, которые всё высказывание может у него вызвать. Проще говоря, перевод не передает ни того, "о чем говорится в оригинальном тексте", ни того "что именно в нем говорится" или "как это говорится", а лишь "для чего это говорится", т.е. что Источник имел в виду, какова цель сообщения.

Этот элемент смысла, содержащий информацию об общей цели высказывания, ее стремлению к определенному коммуникативному эффекту, называется "целью коммуникации". Таким образом, мы можем сделать вывод, что в первом типе эквивалентности в переводе сохраняется лишь цель коммуникации.

Вторую группу переводов можно проиллюстрировать следующими примерами:

He answered the telephone.

Он снял трубку.

You see one bear, you have seen them all.

Все медведи похожи друг на друга.

It was late in the day.

Близился вечер.

Эта группа примеров похожа на первую, поскольку эквивалентность переводов здесь не включает какого-либо параллелизма лексических или структурных элементов. Большинство слов и синтаксических структур оригинала не имеют прямых соответствий в переводе. В то же время очевидно, что здесь мы имеем дело с большей смысловой близостью, чем в

предыдущей группе. Кроме цели коммуникации, в переводах сохранена определенная дополнительная информация, содержащаяся в оригинале. Это можно легко доказать, если сравнить примеры из обеих групп.

Рассмотрим, например, следующие переводы:

(1) Maybe there is some chemistry between us that doesn't mix.

Бывает, что люди не сходятся характерами.

(2) He answered the telephone.

Он снял трубку.

В (1) речь идет о совершенно разных явлениях, между которыми нельзя усмотреть какой-либо логической связи. Общность оригинала и перевода заключается лишь в том, что в обоих случаях можно сделать одинаковые выводы об эмоциональном отношении говорящего: между ним и другим человеком отсутствует понимание.

В (2) несопоставимые языковые средства оригинала и перевода фактически описывают один и тот же поступок, указывают на одинаковую реальность, поскольку говорить по телефону можно, только сняв трубку. Оба текста дают различную информацию об одном и том же, или, как говорят в обиходе, они "выражают другими словами одну и ту же мысль". Этот тип эквивалентности можно хорошо объяснить, пользуясь терминами ситуативной теории. Мы можем сказать, что подобные высказывания описывают идентичные ситуации, однако каждая из этих ситуаций представлена по-другому. Таким образом, в этой группе переводов эквивалентность предполагает сохранение двух типов информации, содержащейся в оригинале, - цели коммуникации и указания на ту же самую ситуацию. Поскольку в каждом из этих двух текстов ситуация описывается по-разному, общей чертой является не способ описания, а лишь указание на нее, возможность идентифицировать ситуацию, независимо от того, как она описана в тексте. Следовательно, та информация, которая характеризует второй тип эквивалентности, может быть названа "идентификацией ситуации".

В следующей группе переводов часть содержания, которая должна быть сохранена, еще больше. Этот тип эквивалентности можно проиллюстрировать следующими примерами:

Scrubbing makes me bad-tempered.

От мытья полов у меня настроение портится.

London saw a cold winter last year.

В прошлом году зима в Лондоне была холодной.

You are not serious?

Вы шутите?

В этом случае в переводе сохраняются две предыдущие информативные составляющие (цель коммуникации и идентификация ситуации), а также способ описания ситуации. Другими словами, перевод содержит те же общие понятия, что и оригинал. Это означает, что перевод является смысловым перефразированием (пересказом) оригинала, сохраняющим его основные семы и допускающим свободное изменение порядка слов в предложении. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией, которую можно описать в терминах семантической теории. При сравнительном анализе переводов этой группы могут быть легко найдены общие семы (элементы смысла). Давайте взглянем на первый из приведенных выше примеров. И в переводе, и в оригинале ситуация описывается "причинно-следственной" связью (Мою пол (причина) - болит голова (следствие)), но расположение и взаимосвязь отдельных сем различны. В оригинале: А (scrubbing) вынуждает В (I) иметь С (temper), обладающее признаком D (bad). В переводе: С (настроение), принадлежащее В (у меня) приобретает признак D (плохой) вследствие А (мытьё полов). Говоря проще, в оригинале движение идет от причины к следствию, а в переводе от следствия к причине.

Использование общих понятий в обоих текстах означает, что базовая структура сообщений, которые они передают, полностью сохраняется. Если в предыдущих типах эквивалентности в переводе сохранялись сведения

относительно того, "для чего сообщается содержание оригинала" и "о чем в нем сообщается", то здесь еще передается и "что сообщается в оригинале", т.е. какая сторона описываемой ситуации раскрывается во время коммуникации.

Мы можем сказать, что третий тип эквивалентности, проиллюстрированный переводами третьей группы, предполагает сохранение в переводе трех частей содержания оригинала, которые мы ранее определили как цель коммуникации, идентификация ситуации и способ ее описания.

Четвертую группу переводов можно проиллюстрировать следующими примерами:

He was never tired of old songs.

Старые песни ему никогда не надоедали.

I don't see that I need to convince you.

Не вижу надобности доказывать вам это.

He was standing with his arms crossed and his bare head bent.

Он стоял, сложив руки на груди и опустив непокрытую голову.

В этой группе смысловая близость предыдущих типов эквивалентности усилена инвариантным (аналогичным) значением синтаксических структур в оригинале и переводе. В подобных переводах можно заметить, что использованные в них синтаксические структуры образуются от структур оригинала путем прямых или обратных трансформаций. К данному явлению относятся случаи, когда в переводе используются аналогичные или параллельные структуры.

Важной чертой этого и последующего типов эквивалентности является тот факт, что в них предполагается сохранение лингвистического значения, т.е. информации, содержащейся в лексических или структурных элементах языка. Мы можем сказать, что здесь в переводе сохраняется не только "для чего", "о чем" и "что" говорится в тексте оригинала, но отчасти и "как это говорится". Значение языковых единиц является важной частью общего

содержания текста, и переводчик всячески стремится сохранить его в своем переводе.

Таким образом, четвертый тип эквивалентности предполагает сохранение в переводе четырех важных компонентов оригинала: цели коммуникации, идентификации ситуации, способа ее описания и инвариантного значения синтаксических структур.

И, наконец, следует пятая группа переводов, которую можно обнаружить при анализе их отношений с соответствующими оригиналами. Здесь мы находим максимально возможную смысловую близость между текстами на разных языках. Эти переводы пытаются сохранить значение всех слов, использованных в оригинале. Примеры, приведенные ниже, иллюстрируют эту значительную смысловую близость соответствующих слов в обоих предложениях:

I saw him at the theatre.

Я видел его в театре.

The house was sold for 10 thousand dollars.

Дом был продан за десять тысяч долларов.

The Organization is based on the principle of the sovereign equality of all its Members.

Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов.

Здесь мы можем наблюдать эквивалентность сем, которые формируют значение соответствующих слов в оригинале и переводе; параллелизм синтаксических структур подразумевает максимальную инвариантность их значений; сходство понятийных категорий определяет способ описания ситуации; идентичность ситуаций; имеется единая функциональная цель высказывания, или цель коммуникации. Относительная идентичность содержания обоих текстов зависит в данном случае от степени передачи в переводе различных компонентов значения слова без ущерба для остальной информации, содержащейся в оригинале.

Теперь мы можем подвести итог наших исследований. Мы обнаружили, что существует пять различных типов смысловых связей между эквивалентными фразами (текстами) на двух языках. Следовательно, все переводы можно разбить на пять типов эквивалентности, которые различаются объемом и характером информации, сохраняющемся в каждом из них. Каждый последующий тип эквивалентности сохраняет часть содержания оригинала, включающую информацию, сохраненную в предыдущих типах.

Каждый перевод может рассматриваться как принадлежащий к определенному типу эквивалентности. Поскольку каждый последующий тип подразумевает более высокую степень смысловой близости, мы можем сказать, что каждый перевод сделан на определенном уровне эквивалентности.

Каждый уровень эквивалентности характеризуется той частью информации, сохранение которой отличает его от предыдущего уровня. Таким образом, список подобных уровней включает: 1) уровень цели коммуникации; 2) уровень (идентификации) ситуации; 3) уровень способа описания (ситуации); 4) уровень синтаксических значений; 5) уровень лексической семантики (лексического смысла).

Следует отметить, что информация, характеризующая различные уровни, присуща любому элементу речи. Разумеется, любой элемент речи всегда содержит какую-то коммуникативную цель, указывает на определенную ситуацию, имеет определенную понятийную структуру и проявляется как синтаксически оформленная цепочка слов.

Таким образом, любой акт перевода осуществляется на определенном уровне эквивалентности. Следует подчеркнуть, что подобная уровневая иерархия не несет идею одобрения или неодобрения. Перевод может быть хорошим на любом уровне эквивалентности. [Комиссаров, 1990, с. 253]

2.2 Способы и приемы перевода диалекта

Диалект невероятно сложен для перевода. Работа по поиску в русском языке достаточно экспрессивных и образных оттенков диалектизмов возлагается на переводчика, и выбор средств выражения в языке перевода непосредственно связан с уяснением контекста – географической принадлежности диалекта. Передать в переводе колоритность диалектной речи порой практически невозможно. Многие переводчики стараются обходить эту проблему стороной, объясняя это тем, что при переводе диалекта есть опасность создания искусственного языкового эквивалента, который разрушит впечатление от всего художественного текста. Но полное игнорирование контаминации и перевод диалекта на литературный язык нанесет не меньший урон тексту. Каждый национальный язык и его разновидность крепко связаны с культурной картиной нации, которая его использует. Основную трудность при переводе диалектов любых языков представляет правильный подбор лексики, интонации и стилистических средств. В отличие от стандартных языков, диалекты в художественных текстах появляются в речи персонажей, которые отличаются от других героев произведения по какому-либо признаку (возрасту, происхождению, воспитанию, среде общения и т.д.). В определенных случаях диалектная речь с языка оригинала на язык перевода передается, в том числе, с помощью сленга, специальной лексики или особых стилистических средств [Казакова, 1990, с. 253].

Для сохранения культурной специфики текста, при переводе приходится учитывать и пытаться передать диалект средствами языка перевода. Во многих случаях уместно даже давать переводческие комментарии, поясняющие различные особенности героя и причины, по которым он изъясняется определенным образом, отличным от речи других героев художественного произведения. [Макарова, 2006, с. 137]

В ряде случаев диалектом в речи героев можно пренебречь и перевести их слова на стандартный язык. В переводе технических текстов,

юридических переводах и переводах научных документов не существует проблемы диалектов и вариаций языка, однако данная проблема возникает при переводе художественных текстов. В данном случае перевод диалекта приобретет особую важность, поскольку в указанных случаях необходимо передать атмосферу и стиль оригинального текста. Окончательный вариант перевода должен точно передавать не только смысловое содержание, но и экспрессивно-стилистическую окраску текста. Часто контекст заставляет отказываться от выбора одного из вариативных соответствий, тогда появляется необходимость найти контекстуальную замену, подходящую лишь к данному случаю. У многих английских слов нет прямых соответствий среди русских лексических единиц. Фонетическая составляющая диалекта очень сложно передается на письме, а эквивалентные замены приходится искать в просторечиях русского языка.

Сами по себе элементы территориальных диалектов ИЯ, обнаруживаемые в оригинале, не передаются в переводе. Использование в оригинале подобных диалектальных форм может иметь двоякий характер. С одной стороны, весь текст оригинала может быть написан на каком-либо диалекте ИЯ. В этом случае диалект выступает в качестве средства общения, используемого Источником, и перевод с него будет осуществляться таким же образом, как с любого общенационального языка (для чего, естественно, переводчик должен обладать необходимой степенью владения данным диалектом). С другой стороны, диалектальные формы могут употребляться в тексте (главным образом, в художественной литературе) с целью языковой характеристики отдельных персонажей, их идентификации как жителей определенного района, где говорят на данном диалекте ИЯ. В этом случае воспроизведение диалектальных особенностей ИЯ в переводе ничего не даст, так как для Рецептора перевода они не выполняют идентифицирующей функции и будут просто бессмысленны. Если в английском оригинале персонаж говорит на лондонском диалекте «кокни», добавляя звук *h* к словам, где он отсутствует в стандартном языке, и опуская этот звук там, где

по нормам английского языка он должен произноситься ('E 'as a good hear вместо He has a good ear), то попытка воспроизвести эту особенность в русском переводе, употребляя несуществующие в языке формы (скажем, «Хон хобладает 'орошим слухом»?!), явно лишена смысла. Невозможно также использовать в переводе формы какого-либо территориального диалекта русского языка, так как они будут идентифицировать совершенно иную группу (русских) людей. Попытка установить эквивалентность между, например, диалектом негров Миссури, на котором говорит негр Джим у Марка Твена, и каким-либо диалектом русского (или любого другого) языка теоретически не оправдана и практически не наблюдается, поскольку явно нелепо заставлять американского негра говорить языком уроженца Перми или Одессы. [Коровушкин, 2005, с. 87]

Многие территориальные диалекты тесно связаны с социальной характеристикой их носителей, и в этих случаях их использование в оригинале указывает на принадлежность данного персонажа к определенной социальной группе. Иначе говоря, они выполняют функцию социального диалекта, который характеризует речь членов какой-то социальной или профессиональной группы людей. Лингвистические особенности социального диалекта имеют более общий, нелокальный характер, поскольку аналогичные социальные группы, а тем более аналогичные профессии, часто обнаруживаются у многих народов. Поэтому передача дополнительной информации, которую содержат элементы социального диалекта в оригинале, оказывается в переводе возможной. Как правило, переводчик имеет возможность использовать при передаче речи английского матроса специфические слова и выражения, распространенные среди русских матросов, или воспользоваться русским воровским жаргоном для воспроизведения некоторых особенностей речи английского преступного мира.

Решение этой задачи облегчается тем обстоятельством, что социальный диалект отличается от общенародного языка лишь отдельными языковыми

особенностями, своего рода «указателями» (markers). Присутствие в тексте хотя бы небольшого числа таких указателей обеспечивает воспроизведение данного вида информации в переводе:

He do look quiet, don't 'e? D'e know 'oo 'e is, Sir? Вид-то у него спокойный, правда? Часом не знаете, сэр, кто он такой?

Роль совокупности грамматических (don't вместо doesn't) и фонетических ('e вместо he, 'e вместо you, 'oo вместо who) признаков, указывающих на принадлежность говорящего к простонародью, выполняется в переводе одним просторечным оборотом: «Часом не знаете?».

Основная проблема теоретического определения способов и приемов перевода диалектов в большом многообразии. Главные задачи перевода – достижение максимальной эквивалентности, передача индивидуального стиля автора, передача черт литературного направления, эмоциональной и стилистической окраски текста. С этими задачами справляется большое разнообразие способов и приемов перевода, но основными являются:

1. Буквальный перевод:

а) Транслитерация – переводческий прием, при котором при помощи букв переводящего языка (ПЯ) передаются буквы, составляющие слово исходного языка (ИЯ).

б) Транскрипция – передача буквами иностранного языка не орфографической формы, а звучания слова ИЯ.

в) Калькирование – «воспроизведение комбинаторного состава слова или словосочетания», при котором составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка с последующим сложением переведенных частей без каких-либо изменений.

г) Семантический неологизм – новое слово или словосочетание, придуманное переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание языковой единицы. От калькирования данный способ отличается отсутствием этимологической связи с оригинальным словом.

2. Функциональный перевод:

а) Эквивалент - слова или словосочетания, имеющие полное соответствие в другом языке. Эквиваленты бывают полными (покрывающими значение иноязычного слова полностью) и частичными (соответствие относится только к одному из значений); абсолютными – принадлежащими к тому же функциональному стилю и имеющие такую же экспрессивную функцию, что и слово ИЯ, и относительными – соответствующими по значению, но имеющие другую стилистическую и/или экспрессивную окраску.

б) Функциональный аналог - языковая единица исходного языка передается такой единицей ПЯ, которая вызывает сходную реакцию у зарубежного читателя.

в) Описательный перевод - способ перевода, использующийся в тех случаях, когда не существует никакой другой возможности передачи языковой единицы вследствие отсутствия эквивалентов и аналогов в ПЯ. Описательный перевод заключается в передаче значения иностранного слова при помощи более-менее распространенного объяснения.

Помимо этого переводчикам часто приходится прибегать к различным лексическим трансформациям единиц ИЯ. Сущность процесса трансформации заключается в «преобразовании внутренней формы слова или словосочетания или в полной ее замене для адекватной передачи содержания высказывания». В переводоведении принято различать семь видов лексических трансформаций:

1. Дифференциация значений. Дифференциация - это передача значения широкого абстрактного понятия ИЯ без его полного уточнения;

2. Конкретизация значения - замена широкого значения единицы ИЯ более конкретным в ПЯ;

3. Генерализация значения - замена частного общим, видового - родовым;

4. Контекстуальный перевод - «замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним». В данном случае переводчик обращает внимание на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от его значений, приведенных в словаре. Содержание слова передается, таким образом, при помощи трансформированного соответствующим образом контекста, причем важную роль играет и передача коннотативного значения языковой единицы;

5. Антонимический перевод - замена какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, прямо противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой контекста;

6. Целостное преобразование – преобразование «внутренней формы отрезка речевой цепи, причем преобразование не по элементам, целостное» ;

7. Компенсация. Сущность приема заключается в том, что, допустив некоторые потери при передаче определенного образа, переводчик восполняет их, создавая другой образ такой же стилистической направленности. К приему компенсации следует прибегать только тогда, когда другие способы передачи стилистических особенностей оригинала невозможны.

Так как диалектизмы часто являются безэквивалентной лексикой, а фонетические и грамматические отклонения от нормы практически невозможно передать с помощью стандартных видов переводческих техник, компенсация – один из наиболее часто используемых видов трансформаций. [Яковлева, 2008]

Сам термин 'переводческая компенсация' ввел Я. И. Рецкер, который отнес этот прием к выделяемым им семи разновидностям переводческих трансформаций. Компенсация - это способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, а, следовательно, утрачиваемые при переводе, передаются в тексте перевода элементами

другого порядка, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. [Левин, Федоров, 1960, с. 696]

И. А. Алексеева различает позиционную и разноуровневую (или качественную) компенсацию. В качестве примера одноуровневой позиционной компенсации, может служить передача в переводе фразеологизмов. Помимо функции передачи когнитивной информации в тексте, фразеологизмы одновременно выполняют функцию передачи просторечно-разговорной окраски текста (в художественном тексте, бытовом устном тексте). Однако, как известно, не всякий фразеологизм находит в языке идиоматическое соответствие, в таком случае фразеологизм с другим образом вводится в текст в другом месте, поскольку для создания колорита просторечия важен сам факт наличия определенного числа фразеологизмов в данном тексте [Алексеева, 2004, с. 352].

Согласно концепции Циркуновой, каждый вид компенсации можно охарактеризовать типологическим и топографическим параметрами. В типологическом аспекте компенсация может быть: прямой (когда определенный стилистический прием на языке оригинала передается тем же стилистическим приемом на языке перевода: например, каламбур передается каламбуром) и аналогом (стилистический прием на языке оригинала передается иным стилистическим приемом на языке перевода). В топографическом аспекте (автор имеет в виду местоположение одного относительно другого в текстах языка оригинала и языка перевода) компенсация может быть: параллельной (компенсация в той же части текста), смежной (компенсация на некотором расстоянии от утраченного стилистического приема языка оригинала), смещенной (компенсация на значительном расстоянии) и обобщенной (текст перевода содержит стилистические приемы, адаптирующие его для читателей языка перевода). Данная классификация может использоваться не только применительно диалектам, но и по отношению к любому языковому явлению языка

оригинала, которое при его передаче на язык перевода необходимо компенсировать. [Циркунова, 2002, с. 32-41].

Прием компенсации заключается в передаче смыслового значения или стилистического оттенка не там, где он выражен в оригинале, или не теми средствами, какими он выражен в оригинале. Если переводчик вынужден жертвовать или стилистической окраской, или экспрессивным зарядом слова при переводе, то, конечно, он должен в первую очередь сохранить экспрессивное значение слова или словосочетания, а в случае невозможности найти такое соответствие, возместить эту потерю приемом компенсации [Бреева, Бутенко]. Авторы предлагают свою классификацию видов компенсации - она может быть контактной (в предложении, в развернутой метафоре, в сверхфразовом единстве, в структуре производного образа, образа-персонажа). Также, по их мнению, можно отметить существование дистантной компенсации единичных микрообразов, когда образы в русском переводе появляются там, где нет языкового образа подлинника. Таким образом переводчик компенсирует, например, уже имевшую место потерю образной метафорической информации в канве речевого произведения как целого. Тем не менее, авторы говорят только о 'микрообразах', т. е. об образной компенсации, но эту же схему можно применить и при описании экспрессивной, семантической и стилистической компенсации. Это означает, что каждая из этих компенсаций может быть как контактной (потери компенсируются в том же самом месте текста ПЯ, что и в тексте ИЯ), так и дистантной (потери компенсируются в ином месте текста ПЯ, чем в тексте ИЯ).

Нам представляется возможным еще более детализировать данное деление и ввести два новых понятия: горизонтальной и вертикальной компенсации.

Горизонтальная компенсация - это такая компенсация, при которой элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и

утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами того же уровня: то есть фонетика передается фонетикой (на письме это делается графически), лексика - лексикой и т. д. Вертикальная компенсация - это такая компенсация, при которой элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, выражающиеся в тексте оригинала единицами одного уровня и утрачиваемые при переводе, воссоздаются в тексте перевода единицами другого уровня: то есть лексика передается синтаксисом, фонетика - лексикой, синтаксис - лексикой и т. д.

И контактная, и дистантная компенсация может быть как горизонтальной, так и вертикальной.

При передаче территориальных диалектов чаще всего компенсация осуществляется на уровне лексики, однако чем качественней перевод, тем больше в нем будут задействованы единицы других уровней.

Что касается видов компенсации, то чаще всего прием вертикальной компенсации применяется при передаче фонетических особенностей территориальных диалектов, так как использовать фонетические особенности языка перевода большинству переводчиков представляется нецелесообразным. В первую очередь переводчики применяют прием контактной компенсации (как горизонтальной, так и вертикальной), однако отметим, что применяется также прием дистантной компенсации, то есть передается элементы территориального диалекта, утраченный при переводе и в других местах текста, а именно там, где герои говорят на стандартном языке.

Хотелось бы подчеркнуть, что именно регулярное, а не разовое употребление самых разных стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста (и на лексико-фразеологическом, и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях) воссоздает в переводе необходимый стилистический эффект текста оригинала. В качестве способа воспроизведения диалектной речи в переводе преимущественно используется просторечие (опять же на всех уровнях текста), т. е. передается

исключительно социальный компонент диалекта, который заменяет его территориальный признак.

Глава III. РОМАН МАРКА ТВЕНА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА» И АНАЛИЗ ЕГО РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ.

3.1. История и специфика диалектных форм в произведении

По мнению А. Д. Швейцера, американский вариант английского языка в целом обнаруживает значительно меньшую степень диалектной вариативности, чем британский вариант. По сравнению с диалектами Великобритании диалекты английского языка в США характеризуются более ограниченным и менее четко выраженным набором различительных признаков [Швейцер, 1985, с. 42].

Сходство между диалектами различных частей США такое огромное, а различие между ними столь незначительное, что возникает вопрос, можно ли назвать эти речевые особенности диалектами? Популярность газет, образование, развитие транспорта ограничили распространённость диалектов, которые привезли колонисты. Различие между диалектами Новой Англии, Южными и Западными территориями заключается в незначительной вариации произношения, ударения, интонации. В диалектах США отсутствуют слова с яркой местной окраской [Швейцер, 1983].

По мнению известного американского диалектолога Ф. С. Кэссиди, относительная гомогенность американского варианта английского языка объясняется, в частности, тем, что языковая ситуация в колониальной Америке с самого начала не способствовала сохранению диалектных различий в речи поселенцев. Внутренние миграции населения, его высокая мобильность все это привело к стиранию многих отличительных признаков, проникших в североамериканские колонии из территориальных диалектов Великобритании. Более того, в различные потоки миграции, связанные с колониальной экспансией, оказывались вовлеченными выходцы из различных районов Англии, носители различных диалектов, а сами эти потоки неоднократно перекрещивались. В таких условиях возникла острая необходимость в наддиалектных идиомах [Швейцер, 1977].

Итак, в американской диалектологии отсутствует принципиальное разграничение диалектов, с одной стороны, и просторечия с другой. В результате отдельным диалектам приписываются признаки, характеризующие нелитературную речь вообще и лишенные территориальной маркированности [The Cambridge history of English and American literature, 1919, с. 33].

Однако данное утверждение входит в противоречие с тем предисловием, которое М. Твен дает к роману «Приключения Гекльберри Финна». Писатель указывает, что в этой книге он использовал несколько диалектов: диалект негров штата Миссури, наиболее удаленные (провинциальные) формы юго-западного диалекта, обычный диалект округа Пайк в его четырех разновидностях.

Таким образом, автор определяет территориальную принадлежность языковых форм, используемых в произведениях. В связи с этим у нас возникают следующие вопросы: Что из себя представляли диалекты округа Пайк и юго-запада США в XIX веке? Отличались ли они от других диалектов американского варианта английского языка? Для какой социальной группы людей они были характерны? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к историческим фактам.

Округ Пайк был сформирован в 1818 году и включал в себя достаточно обширную территорию, находящуюся на юге штата Миссури и севере штата Иллинойс, которая по своей площади могла быть приравнена к нескольким более мелким штатам. Неслучайно первые поселенцы называли этот округ штатом Пайк. С 1820 по 1832 год Пайк был разделен на округа Роллс, Льюис, Монро, Марион. В молодость М. Твена его родной город был частью округа Пайк [Cassidy, 1973]. Юго-запад США включал в себя штаты, находящиеся южнее округа Пайк: Арканзас, Северный Техас, Луизиану.

В первой половине XIX века (время, описанное в романе «Приключения Гекльберри Финна») территория округа Пайк штата Миссури и юго-запада США была фронтиром. Фронтир представлял собой постоянно

продвигающуюся на Запад границу между освоенной, цивилизованной частью страны и дикой, туземной территорией континента. В ходе национального развития фронтир утверждался как уникальное историко-культурное явление, наполняясь важным и многообразным содержанием. С момента образования США правительство очень дешево отдавало земли, выкупленные или отнятые у индейцев. На эти земли шли и авантюристы, искатели приключений, и фермеры, ищущие благосостояния. Со временем фронтир перемещался. Освоенная земля становилась «обычной», и на новую границу шли новые поселенцы.

В таких условиях и возникло понятие 'дух фронта', зародились специфические черты характера его людей: суровость, выносливость, вера в себя, чуткость к своим, подозрительность к чужим. И еще нежелание останавливаться на достигнутом и здоровое любопытство. Опыт «подвижного» пограничья долгое время способствовал поддержанию мифа о личной независимости индивидуума, о равенстве возможностей и об альтернативности перспектив личного плана, о способности начать сначала, обновиться в своем «стремлении к счастью» [Mencken, 1964, с. 464].

Речь жителей фронта также была далека от языковых стандартов. Первоначально округ Пайк был освоен пионерами с востока, юга и севера страны. Их речевое взаимодействие и стало той языковой формой, которую позднее стали называть General English. Жители фронта воспринимались как люди с крайне низким уровнем образования, отличающиеся грубостью, невежественностью. Речевые особенности жителей Запада и Юго-запада страны, прежде всего, были отражением их образа жизни, социального положения [Ващенко, 1999, с. 350].

В 1849 году во время так называемой золотой лихорадки многие американцы отправились в Калифорнию в поисках обогащения. Первыми переселенцами были жители округа Пайк, но в дальнейшем так стали называть выходцев из Арканзаса, Северного Техаса и других штатов США, а

диалектом округа Пайк стали называть любой вид нестандартной, неправильной речи.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что диалект округа Пайк и югозападные диалекты не отличались от других нестандартных форм американского варианта английского языка. В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что жители США того времени не могли отличить диалект округа Пайк от других диалектов США [Vuxbaum, 1927, с. 233].

Следует отметить, что далеко не все лингвисты, изучающие текст книги «Приключения Гекльберри Финна», признают наличие в нем семи диалектов, о которых писал автор. Так, например, С. М. Рулон обнаружил только два диалекта в художественном произведении: диалект афроамериканцев и американцев европейского происхождения [Rulon, 1971, с. 215-221]. Аналогичная точка зрения представлена в работах В. К. Брекенриджа [Breckenridge, 1914], В. Рондольфа, Дж. П. Виллсона [Rundolf, Willson, 1953] и С. Боланд [Boland, 1968, с. 35-40]. Кроме того, исследователи отмечают непостоянство в употреблении нестандартных форм персонажами произведения. Подобное расхождение с языковыми фактами привело к тому, что некоторые лингвисты стали воспринимать предисловие М. Твена как своего рода шутку.

Однако есть и другой подход. Д. Каркиту в своем исследовании удалось соотнести те или иные диалектные особенности с их проявлениями в речи персонажей произведения. За образец он принял речь Гекльберри Финна, говорившего на диалекте округа Пайк, выявил ее основные особенности и сопоставлял эти особенности с речевой характеристикой других персонажей. Так, Джим говорит на диалекте негров штата Миссури; Гек, Том, тетя Полли, Бен Роджерс, отец на диалекте Пайк; воры на корабле, бриквильские лодыри, Король, тетя Салли, дядя Силас говорят на разновидностях диалекта Пайк; сестра Гочкис, арканзасские сплетники на югозападном диалекте.

Несмотря на достаточно точное соотнесение нестандартных форм с речью героев повествования, Д. Каркит признает, что различие между диалектами, указанными М. Твенем в предисловии, несущественны. Например, отличие диалекта Пайк от диалектов юго-запада заключается, в основном, в большем употреблении нестандартных языковых форм [Carkeet, 1979, с. 315]. Таким образом, данный различительный признак представляет собой количественный, а не качественный показатель, что, на наш взгляд, говорит о социальной, а не территориальной природе данного языкового явления.

Афроамериканский диалект в произведении «Приключения Гекльберри Финна» представлен в речи беглого раба Джима. Как мы упоминали выше, Джим говорит на афроамериканском диалекте штата Миссури. Известно, что группы рабов жили достаточно изолированно и не имели возможности свободно перемещаться из одной области США в другую, поэтому в их речи наблюдались территориальные особенности.

Специальные лингвистические исследования показали, что речь Джима соответствует особенностям афроамериканского диалекта [Minnick, 2001, с. 150]. В частности, Л. А. Педерсон провел социолингвистический анализ, в котором ему удалось найти соответствие между речевыми особенностями Джима и афроамериканцев, проживавших в штате Миссури [Pederson, 1962, с. 261].

Следует отметить, что речь Джима отличается от речи других персонажей в основном на фонетическом уровне. Грамматические особенности его диалекта не отличаются от других диалектных форм, представленных в книге. Пожалуй, единственным отличием в речи Джима является частота употребления нестандартных грамматических форм. Если другие персонажи, в том числе и Гек, наравне с нестандартными формами употребляют стандартные, то речь Джима практически не содержит правильных грамматических конструкций. На наш взгляд, данное обстоятельство связано, прежде всего, с его социальным статусом.

Афроамериканский диалект это диалект низших, наиболее обездоленных слоев американского населения того времени.

Итак, диалектные формы в тексте книги «Приключения Гекльберри Финна» по своим характеристикам не отличаются от других нестандартных форм английского языка США, за исключением диалекта афроамериканцев. Причина, по которой М. Твен указывает на их территориальную принадлежность, является скорее всего не лингвистической, а стилистической. Без предисловия М. Твена читатель смог бы распознать речь персонажей только как нестандартную и не смог бы определить ее территориальную принадлежность, а тем более соотнести ее с несколькими разными диалектами.

Стилистические особенности грамматического субстандарта восходят к его социолингвистическим характеристикам. Однако в контексте художественного произведения грамматические отклонения от нормы приобретают более сложное коннотативное значение.

Роман «Приключения Гекльберри Финна» является одним из первых американских произведений, написанных в стиле реализма. Примечательной чертой критического реализма является стремление писателей к объективности. Для писателя-реалиста характерны признание ценности объективной действительности и огромный интерес к ней, сознательное стремление к глубокому исследованию окружающего мира [Timasi, 2001, с. 135].

В реалистической литературе стремление к достоверности, правдивости повествования отражается в тех языковых формах, которые писатели используют в своих произведениях. В художественной литературе активно появляются субстандартные языковые элементы, территориальные и социальные диалекты. Нелитературные формы языка являются одним из стилистических средств объективного изображения персонажей и окружающей действительности. Суть реалистического письма заключается в борьбе свободы выражения сокровенного смысла с искусственными нормами

и непрозрачностью правильного литературного письма [Балдицын, 2004, с. 145].

Нестандартная речь персонажей отражает еще один мотив произведения бегство человека от общества, цивилизации. Неслучайно Гек произносит слово «цивилизация» неправильно. Он бежит от вдовы, тети Салли, пытавшихся его «цивилизовать», от ложных ценностей общества, его лицемерия и фальши. Геку присуща внутренняя свобода, он не может жить в жестких рамках. Его речи также свойственна стихийность, свобода от искусственных литературных норм [Спэнкерн].

Грамматические, фонетические, лексические отклонения от нормы в произведении являются также важным средством раскрытия образов главных героев. Отклонения от нормы указывают на социальный статус персонажа, уровень его образования, территориальную принадлежность. Они могут также выступать характерной особенностью речи иностранцев [Балдицын, 2004, с. 147].

В 1884 году, когда была опубликована книга «Приключения Гекльберри Финна», диалект округа Пайк был уже хорошо известен публике. К тому времени было написано достаточно много произведений, высмеивающих этот диалект и самих жителей округа Пайк, отправившихся в Калифорнию в поисках золота [Ruland, 1991, с. 171]. В американской литературе диалект округа Пайк характеризовал необразованную, неуклюжую речь жителей Запада в противоположность правильной, литературной речи жителей восточного побережья США [Vuxbaum, 1927, с. 235]. Наиболее ярко этот диалект показан в произведениях Б. Гарта и Дж. Хэя.

В книге М. Твена диалект округа Пайк представлен в речи Гекльберри Финна, от лица которого и ведется повествование. По своим внутренним качествам Гек похож на героев поэм Б. Гарта и Дж. Хэя. Он необразован, наивен, суеверен. Гек очень часто лжет, фантазирует. Однако, в отличие от Тома Сойера, живущего в мире воображения и книг, Гек преследует сугубо

житейские цели: выдумки для него не украшение жизни, а чуть ли не единственный способ выжить в этом чудовищном мире и избежать опасности. Он усвоил, как опасно говорить правду. Он способен на воровство. Для него естественней украсть, чем заработать честным трудом [Ruland, 1991, с. 171].

В то же время Гека отличает порядочность, тактичность. Гек пытается защитить Мэри Джейн и ее сестер, ставших жертвой обмана Короля и Герцога. Он способен на искрение чувства. Беглый негр Джим становится для него другом. Гек смог преодолеть ограниченность современного ему общественного сознания. Он смотрит на Джима как на равного, видит в нем не раба, а человека, любящего свою жену, детей и страдающего от разлуки с ними. В конце произведения Гек был готов выволить Джима из рабства, причем, спасая Джима, он рисковал потерять собственную свободу.

Разграничение М. Твенем обычного диалекта округа Пайк и четырех его разновидностей также является художественным средством, раскрывающим образы героев повествования. Автор называет диалект округа Пайк обычным, тем самым он подчеркивает, что это наиболее привычная речь, персонажи, говорящие на нем, являются типичными, обыкновенными людьми. Отрицательные персонажи произведения, такие как Король, воры на корабле «Сэр Вольтер Скотт», лодыри, говорят на разновидности диалекта округа Пайк. Их речь отличается от речи Гека наличием языковых элементов, характерных для афроамериканского диалекта: “Hear him beg! and yit if we hadn’t got the best of him and tied him he’d a killed us both. And what FOR? Jist for noth’n. Jist beecause we stood on our RIGHTS-that’s what for. But I lay you ain’t agoin’ to threaten nobody any more, Jim Turner. Put UP that pistol, Bill”. Как мы видим из данного примера, заимствование особенностей афроамериканского диалекта в основном происходит на фонетическом уровне и отражается в словах yit, jist, noth ’n.

Афроамериканские вкрапления в речи персонажей указывают не только на их социальный статус, они подчеркивают их безнравственность,

аморальность. Использование афроамериканского диалекта для иллюстрации морального облика персонажей может показаться странным. Однако это соответствовало реалиям того времени. Речь безграмотных белых, ведущих асоциальный образ жизни, имела много общего с речью негров [Балдицын, 2004, с. 150].

Юго-западные диалекты в тексте произведения представляют собой достаточно грубые языковые формы, характеризующиеся значительными отклонениями от литературных норм. Использование особенностей юго-западных диалектов подчеркивает социальное положение персонажей, их культурный уровень. Например, сестра Гочкис так описывает ситуацию, связанную с побегом Джима: "I says to Sister Damrell-didn't I, Sister Damrell?-s'I, he's erazy, s'I-them's the very words I said. You all hearn me: he's crazy, s'I; everything shows it, s'I. Look at that-air grindstone, s'I; want to tell ME't any eretur 't's in his right mind 's a goin' to serabble all them crazy things onto a grindstone, s'I?". В данном примере представлено достаточно много грамматических отклонений от нормы: несогласование подлежащего со сказуемым (I says), использование личного местоимения them в объектном падеже вместо указательного (them's the very words), архаичная форма глагола простого прошедшего времени (hearn), нестандартная форма причастия I (a goin). Кроме того, в тексте представлены также и фонетические отклонения от нормы, что усиливает стилистический эффект высказывания. [Carkeet, 1979, с. 332]

Афроамериканский диалект штата Миссури характеризуется наиболее яркими отклонениями от языкового стандарта. [Силько, 1992] В произведении этот диалект представлен в речи негра Джима: "It lays in de way Sollermun was raised. You take a man dat's got on'y one or two ehillen; is dat man gwyne to be waseful o' ehillen? No, he ain't; he ean't 'ford it. HE know how to value 'em. But you take a man dat's got 'bout five million chillen runnin' roun' de house, en it's diffunt. HE as soon chop a chile in two as a cat. Dey's plenty mo'. A ehile er two, mo' er less, warn't no consekens to Sollermun, dad fateh him!". В

данном примере представлено достаточно много фонетических отклонений от нормы. Почти все слова Джим произносит неправильно. Однако в тексте присутствуют также и грамматические отклонения - несогласование подлежащего со сказуемым (HE know, he chop, dey's plenty mo'), нестандартные формы глагола to be (ain't, warn't), двойное отрицание (warn't no consekens). Афроамериканский диалект подчеркивает не только социальное положение, но и этническую принадлежность персонажа. [Шах-Назарова, 1989]

Итак, отклонения от нормы литературной формы языка, являясь характерной особенностью внелитературного просторечия, в тексте художественного произведения указывают на социальный статус персонажей, уровень их образования. [Пелевина, 1980] Учитывая, что количество грамматического, фонетического и лексического субстандарта в юго-западном и афроамериканском диалектах превышает уровень их употребления в других языковых формах, представленных в книге (диалект округа Пайк и его разновидности), мы можем предположить наличие у них также этнической и территориальной соотнесенности [Бродович, 1988].

2.2. Сопоставительный анализ перевода диалектизмов в переводах Н. Дарузес и М. Энгельгардта

Первоочередной задачей практической части работы являлся анализ текста оригинала и текстов перевода на предмет диалектизмов и их классификация.

Согласно теоретической информации, представленной в двух предыдущих главах, нами были выработаны несколько пунктов оценки оригинала и перевода.

1. В первую очередь в тексте оригинала обнаруживается диалектизм и классифицируется по одному из трех видов – грамматическое, фонетическое, лексическое отклонение от нормы.

2. В переводе оценивается передача диалектизма по способу перевода. Компенсация, как наиболее часто используемая техника перевода диалектизмов, рассматривается по параметрам: контактная, дистантная, горизонтальная, вертикальная. Делаются комментарии по поводу перевода.

3. В некоторых случаях предлагается свой вариант перевода, по нашему мнению являющийся наиболее адекватным.

В ходе анализа на основе первых пяти глав в оригинале романа было обнаружено 297 случаев использования диалекта. Из них:

Грамматические отклонения от нормы – 130 единиц.

Лексические отклонения от нормы – 45 единиц.

Фонетические отклонения от нормы – 122 единицы.

В каждом примере, взятом из текста оригинала, диалектизмы будут подчеркнуты. Для удобства мы решили провести классификацию отклонений от нормы языка, разобрав каждый конкретный подвид отклонения. Это упрощает определение вида компенсации. Например, если отрывок из оригинала классифицирован как грамматическое отклонение от нормы, а в переводе использовано лексическое отклонение от нормы - то компенсация будет вертикальной, и наоборот.

После отрывка из текста оригинала будут приведены переводы, выполненные Н. Дарузес (под буквой Д) и М. Энгельгардтом (под буквой Э). Будет проведен анализ и, в некоторых случаях, предложен свой вариант перевода.

I. Грамматические отклонения от нормы.

1.1 Двойное отрицание

Использование двойного отрицания в английском языке считается ошибкой, согласно норме в предложении может быть использован лишь один отрицательный элемент. Обычно применяется для усиления экспрессивности, либо для получения обратного эффекта (минус на минус дает плюс).

1. She put me in them new clothes again, and I couldn't do nothing but sweat and sweat, and feel all cramped up.

Д. Опять она одела меня во все новое, так что я только и знал, что потел, и целый день ходил как связанный.

Э. На меня опять надели новое платье, в котором я все время обливался потом и чувствовал себя так, как будто все мое тело сведено судорогами.

Н. Дарузес воспользовалась приемом контактной вертикальной компенсации на лексическом уровне – использовано просторечное выражение «только и знал, что», которое отлично передает усталость героя от повторяющегося действия, над которым он не имеет контроля.

М. Энгельгардт воспользовался тем же приемом, вставив архаичное просторечное слово «платье», которое означало любую одежду (clothes), и разговорное выражение «обливаться потом» вместо нормированного «потеть». Перевод адекватен.

2. They get down on a thing when they don't know nothing about it

Д. Напустятся на что-нибудь, о чем и понятия не имеют.

Э. Люди сплошь и рядом вообще таковы — они увлекаются вещами, о которых ровнехонько ничего не знают.

Н. Дарузес воспользовалась приемом дистантной вертикальной компенсации на лексическом уровне, вместо нормированного «накинуться, наброситься» использовала разговорный глагол «напуститься». Таким образом, она сохранила стилистику предложения.

М. Энгельгардт так же компенсировал двойное отрицание лексикой, но использовал контактную замену – просторечную усиленную форму наречия «ровнехонько». Оба перевода адекватны и хорошо передают стилистически сниженную окраску.

1.2 Неправильное использование глагола to be.

Гекльберри Финн часто использует диалектную форму глагола to be: вместо weren't – warn't (что так же может являться нарушением фонетической нормы, индикатором диалектного произношения), вместо were – was, вместо are – is, и т.п. Так же диалектным проявлением является несогласование подлежащего и сказуемого, например использование глагола was при существительном единственного числа, либо полное опущение глагола to be в вопросительных предложениях.

3. Then I set down in a chair by the window and tried to think of something cheerful, but it warn't no use.

Д. Сел перед окном и попробовал думать о чем-нибудь веселом, — только ничего не вышло.

Э. Затем, усевшись возле окна на стул, пробовал думать о чем-нибудь позабавнее, но у меня не выходило ничего путного.

Оба переводчика применили вертикальную компенсацию на лексическом уровне, нарушение грамматической нормы Н. Дарузес компенсировала выражением «ничего не вышло», вместо нормированного «ничего не получилось», что воссоздает стилистический оттенок.

М. Энгельгардт компенсировал ненормированным усилением «позабавнее» и использовал разговорный синоним слов «толковый, хороший, подходящий» - «путный». Оба перевода адекватны.

4. When we was passing by the kitchen I fell over a root and made a noise.

Д. Проходя мимо кухни, я споткнулся о корень и наделал шуму.

Э. Проходя мимо кухни, я споткнулся о корень какого-то дерева и упал, причем наделал, разумеется, малую толику шума.

Оба переводчика вновь применили вертикальную дистантную компенсацию на лексическом уровне. Выражение «наделать шуму» - это калькирование с английского to make noise, синоним нормированного и

стилистически нейтрального глагола «нашуметь». М. Энгельгардт усилил стилистически сниженную окраску, созданную в оригинале несогласованным с подлежащим глаголом *to be*, воспользовавшись просторечным оборотом «малая толика». Первый перевод адекватен, второй обладает более сниженной стилистической окраской по сравнению с оригиналом, но это, тем не менее, оправдано в контексте полного художественного произведения, а не вырванного из него отрезка текста.

5. My new clothes was all greased up and clayey, and I was dog-tired.

Д. Мое новое платье было все закапано свечкой и вымазано в глине, и сам я устал как собака.

Э. Новое мое платье было все перепачкано и вымазано глиной, а сам я устал, как последняя собака.

Контактная вертикальная компенсация на лексическом уровне - архаичное просторечное слово «платье», которое означает любую одежду (*clothes*). Идиома *dog-tired* была передана при помощи калькирования – «устать, как собака», что является стилистически сниженным словосочетанием с явно выраженной экспрессивной окраской. Переводы адекватны.

1.3 Неправильное использование глагола в прошедшем времени.

Такая грамматическая особенность диалекта, как и многие другие, обладает яркой социальной окраской. Неправильное использование формы глагола прошедшего времени выдает в говорящем необразованного человека, либо иностранца.

6. I couldn't stood it much longer

Д. Да я бы дольше и не вытерпел.

Э. Я и в самом деле не мог бы выносить долее такую пытку.

Оба переводчика применили дистантную вертикальную компенсацию на лексическом уровне. Н. Дарузес компенсировала грамматическое отклонение от нормы оборотом «да я бы», обычно встречающимся в разговорном языке. Но этот оборот недостаточно адекватен, потому как не создает необходимого впечатления о плохом уровне образования говорящего. М. Энгельгардт применил разговорную сравнительную форму наречия «долгий» - «долее», вместо нормированного «дольше». Данный перевод адекватен.

7. There was a place on my ankle that got to itching, but I dasn't scratch it; and then my ear begun to itch; and next my back, right between my shoulders.

Д. И вдруг у меня зачесалось одно место на лодыжке, а почесать его я боялся, потом зачесалось ухо, потом спина, как раз между лопатками. Думаю, если не почесусь, просто хоть помирай.

Э. Как раз в это время у меня зачесалось возле щиколотки, но я не осмелился почесаться. Вслед за тем у меня страшно засвербило возле уха, а потом на спине, как раз между плечами. Мне казалось, что я просто-напросто умру, если вздумаю удержаться дольше.

Оба переводчика применили дистантную вертикальную компенсацию на лексическом уровне. В конце текстового отрывка, они компенсировали грамматическое отклонение от нормы при помощи просторечных выражений «хоть помирай» и «просто-напросто умру». М. Энгельгардт дополнительно использовал разговорный синоним слова «зачесалось» - «засвербило», усилив его словом «страшно» вместо нормированного «сильно». Так как на наш взгляд более полно отклонение можно передать при помощи контактной компенсации, грамматическое отклонение от нормы «dasn't scratch it» можно перевести видоизменением глагола «чесать», например – «чесануть».

1.4 Архаичные формы глаголов

8. He used to lay drunk with the hogs in the tanyard, but he hain't been seen in these parts for a year or more."

Д. Он, бывало, все валялся пьяный на кожевенном заводе, вместе со свиньями, но вот уже больше года его что-то не видно в наших краях.

Э. Прежде, бывало, он пьяный валялся со свиньями в кожемятне, но вот уже около года, как о нем нет ни слуху ни духу.

Н. Дарузес провела дистантную вертикальную компенсацию, воспользовавшись фразой «что-то», характерной для просторечий. М. Энгельгардт так же перевел грамматическое отклонение лексическим просторечием – «ни слуху ни духу», при этом еще и опустив запятую. На наш взгляд, эта компенсация не обладает достаточным уровнем адекватности. Грамматическое отклонение от нормы сложно компенсировать грамматикой, но можно воспользоваться обилием русской просторечной стилистически сниженной лексики, например, при помощи контактной горизонтальной компенсации, заменив нормированное выражение «его не видно» на «его не видали» или «его не видать». Эти выражения не выдают явную принадлежность к диалекту русского языка, чего стоит избегать при переводе художественных текстов, но при этом придают речи просторечный колорит.

1.6 Неправильная форма глаголов говорения

Прямая речь в романе часто передается использованием неправильной формы глагола говорения - несогласованной с существительной формой либо глаголом в неправильной временной форме.

9. "Well," I says, "s'pose we got some genies to help US--can't we lick the other crowd then?"

Д. — Ну, — говорю, — а если мы тоже вызовем духов себе на помощь, побьем мы тех, других, или нет?

Э. — А кто же мешает нам призвать к себе на помощь таких же духов? Разве мы не сможем задать тогда трепку волшебникам?

Н. Дарузес не переводит и не компенсирует неправильную форму глагола говорения, как и фонетическое сокращение s'pose. М. Энгельгардт компенсирует на лексическом уровне при помощи просторечного выражения «задать трепку», что так же может являться абсолютным эквивалентом идиомы «to lick», в разговорном варианте английского языка обозначающим «ударить, шлепнуть». Переводы не адекватны, но это можно оправдать наличием компенсаций в других отрывках текста. Ведь, как мы указывали в теории, компенсация хорошо работает только когда встречается стабильно на протяжении всего художественного произведения. Тем не менее, на наш взгляд, в случаях использования прямой речи в романе, наиболее адекватным и подходящим вариантом передачи отклонений от нормы, таких как “I says”, “He say”, “Says he” может стать вариант, используемый Н. Дарузес – глаголы настоящего времени без местоимений «говорю», «говорит», вместо литературных вариантов «я сказал» или «он сказал».

10. I says, "Don't you ask me no questions about it, please. You'll take it -- won't you?"

Д. — Я говорю: не спрашивайте меня ни о чем, пожалуйста. Возьмите лучше мои деньги... Ведь возьмете?

Э. — Пожалуйста, не спрашивайте меня, сударь. Сделайте только милость, возьмите от меня эти деньги, — ответил я ему.

При переводе ненормированного глагола, передающего прямую речь, Н. Дарузес воспользовалась приемом, описанным нами в предыдущем примере. М. Энгельгардт в своем тексте не передает прямую речь, но в его переводе Гек внезапно начинает говорить не как необразованный мальчик-сирота из глубинки, а как член высшего общества. Отклонения от нормы он передает литературными выражениями «сударь» и «сделайте милость». Перевод не адекватен.

11. Here she was a-bothering about Moses, which was no kin to her, and no use to anybody, being gone, you see, yet finding a power of fault with me for doing a thing that had some good in it.

Д. Вот и вдова тоже: носитя со своим Моисеем, когда он ей даже не родня, — да и вообще кому он нужен, если давным-давно помер, сами понимаете, — а меня ругает за то, что мне нравится курить.

Э. Вот хоть бы госпожа Дуглас: увлекалась Моисеем и постоянно твердила про него, хотя он, сколько мне известно, не доводился ей родней. К тому же от него не могло получиться ни малейшего прока для кого-либо, так как он ведь давно уже умер. При всем том, госпожа Дуглас страшно набрасывалась на меня за курение, в котором все-таки был некоторый прок.

12. I set down again, a-shaking all over, and got out my pipe for a smoke;

Д. Меня бросило в дрожь. Я опять сел и достал трубку;

Э. Дрожа всем телом, я уселся опять на стул и достал себе трубку, собираясь курить.

13. Why, they rub an old tin lamp or an iron ring, and then the genies come tearing in, with the thunder and lightning a-ripping around and the smoke a-rolling, and everything they're told to do they up and do it.

Д. Потрут старую жестяную лампу или железное кольцо, и тогда со всех сторон слетаются духи, гром гремит, молния кругом так и сверкает, дым клубится, и все, что духам ни прикажешь, они сейчас же делают.

Э. Ну да, они принимаются тереть суконной тряпочкой старую жестяную лампу или железное кольцо, и тогда духи являются, смотря по надобности, в одиночку или целыми сотнями и тысячами. Гром гремит, молния сверкает, и все кругом наполняется дымом. Всякое отданное приказание они исполняют сейчас же и беспрекословно.

Каждый из этих трех примеров включает в себя отклонение от грамматической нормы в виде приставки к герундиальному глаголу а-. Эта приставка, встречающаяся в диалектах и разговорной речи английского языка, придает действию продолжительность, усиливает экспрессивную окраску, и обозначает, что действие повторяется не один раз. Например, *a-shaking* будет переводиться как «очень сильно трястись (дрожать) на протяжении долгого времени». В русском языке экспрессивная окраска такого рода обычно передается односложными предложениями, например – «*lightning a-ripping* around and the smoke *a-rolling*» «гром гремит, молния сверкает, дым клубится». Оба переводчика справились с этой переводческой задачей, за исключением нескольких случаев. В первом примере, М. Энгельгардт перевел «*she was a-bothering* about Moses» как «увлекалась Моисеем и постоянно твердила про него». Продолжительность действия передана наречием «постоянно». Но экспрессивная окраска слова *to bother* (надоедать, наскучивать) потерялась в переводе. На наш взгляд, более адекватным и эквивалентным переводом было бы выражение «постоянно доставать», придающее, кроме прочего, просторечный колорит речи. Во втором примере Н. Дарузес переводит «*a-shaking* all over» как «меня бросило в дрожь», то есть при помощи единичного действия. Более адекватно было бы передать повторяющееся действие при помощи выражения «меня всего трясло», или даже просторечного «меня всего колотило».

II. Фонетические отклонения от нормы.

1. "Who dah?"

Д. — Кто там?

Э. — Кто там?!

2. "Hm! What you know 'bout witches?"

Д. "Гм! Ну что ты можешь знать про ведьм!"

Э. «Гм, разве вы знаете что-нибудь о волшебстве?»

Оба переводчика на протяжении всего романа игнорируют фонетические отклонения от нормы в речи негра Джима, говорящего на южном диалекте американского английского языка. С одной стороны, как мы упоминали в теоретическом описании способов перевода диалектов, было бы неправильно со стилистической точки зрения заставлять негра говорить языком жителя Рязани, например, заменив «dah» на «тама». С другой, существуют другие способы показать фонетическое отклонение от нормы – при помощи грамматики или лексики. В первом примере Н. Дарузес не воспользовалась этим способом, а М. Энгельгардт применил прием контактной вертикальной компенсации, используя вопрос-восклицание, характерный для разговорной речи. Такой вид замены не обладает достаточным уровнем эквивалентности. На наш взгляд, речь Джима – самая сложная для передачи на русский язык во всем романе. Не обязательно проводить полную контаминацию речи, но необходимо дать читателю понятие о социальном статусе персонажа. Негры в романе – рабы, низший социальный слой населения. В работах обоих переводчиков полностью теряется колорит этого яркого, необычного персонажа для русского читателя. На наш взгляд, самым экспрессивным способом показать низкий социальный уровень персонажа в переводе была бы компенсация на лексическом уровне – использование просторечных, разговорных выражений, но при этом без явных признаков принадлежности к конкретному диалекту русского языка.

III. Лексические отклонения от нормы.

1. So then I didn't care no more about him, because I don't take no stock in dead people.

Д. И мне сразу стало неинтересно, — плевать я хотел на покойников

Э. Тогда я совершенно перестал им интересоваться, потому что не спекулирую такими товарами, как мертвецы.

Толковый словарь английского языка подсказывает, что у идиомы *to take stock* есть несколько значений: 1. Проводить инвентаризацию 2. Оценивать количество ресурсов. При этом у диалектической идиомы *to take stock in something* есть единственное значение – интересоваться чем-то. В первом варианте перевод был выполнен адекватно, разговорное выражение «плевать я хотел» сохранило стилистическую окраску. Во втором варианте переводчик неправильно интерпретировал идиому, но сохранил стилистический оттенок высказывания, применив прием контактной горизонтальной компенсации.

2. Say, who is you? Whar is you? Dog my cats ef I didn' hear sumf'n. Well, I know what I's gwyne to do: I's gwyne to set down here and listen tell I hears it agin.

Д. — Послушайте, кто это? Где же вы? Ведь я все слышал, свинство какое! Ладно, я знаю, что мне делать: сяду и буду сидеть, пока опять что-нибудь не услышу.

Э. — Кто же ты такой? Где вы?! Разорви пёс моих кошек, если я не слышал здесь что-то такое! Ну, ладно! Я уже знаю, что сделаю! Я сяду вот здесь и стану слушать, пока не услышу что-нибудь опять.

Идиоматичное выражение *dog my cats* является междометием, выражающим удивление и потрясение. В первом случае переводчик применил прием контактной горизонтальной компенсации с помощью аналогичного по значению и стилистической окраске междометия «свинство какое!». Во втором случае, переводчик воспользовался приемом калькирования – буквальный перевод слова или словосочетания с сохранением стилистической окраски. Выражение «разорви пёс моих кошек» является дословным переводом идиомы, несуществующим в русском языке, но при этом обладает смыслом даже вне контекста благодаря повелительному наклонению, выражающему негодование говорящего. По нашему мнению, создание новых языковых существностей – не лучшее решение

для перевода художественной литературы, но в данном контексте этот прием сработал лучше обыкновенной компенсации.

3. Then I turned around and there he was. I used to be scared of him all the time, he tanned me so much.

Д. Потом повернулся, смотрю — вот он, папаша! Я его всегда боялся — уж очень здорово он меня драл.

Э. Входя в комнату, я запер за собой дверь, а затем, обернувшись, увидал его. Раньше я очень боялся отца, так как он меня беспощадно дубасил.

Диалектизм *to tan someone* означает сильно и продолжительно кого-то избивать, этимология этого глагола скорее всего кроется в первоначальном значении глагола *to tan* – дубить шкуру животного, что является процессом длительного воздействия, а шкура сравнивается с человеком. Оба переводчика блестяще справились с передачей диалектизма при помощи абсолютных функциональных эквивалентов – Н. Дарузес применила стилистически сниженное слово «драть», а М. Энгельгардт – стилистически сниженное просторечное слово «дубасить».

4. Don't you give me none o' your lip

Д. — Ты смотри, не очень-то груби!

Э. — Не советую говорить со мной в таком тоне!

To give lip – грубо разговаривать с кем-то, задирать кого-то, хамить. Глагол со сниженной стилистической окраской, часто встречается в речи необразованного отца Гекльберри. Н. Дарузес применила компенсацию, предоставив усиление глагола в ненормативной форме «очень грубить». Усиленной нормативной формой глагола «грубить» являлся бы глагол с ярко выраженной экспрессивной окраской «хамить». Так же было использовано восклицание, характерное для просторечий.

М. Энгельгардт вместо идиомы со сниженной стилистической окраской применил нейтральное выражение «разговаривать в плохом тоне», которое скорее бы использовал учитель в школе, чем необразованный грубиян, угрожающий своему сыну. Так же он не предоставил компенсацию на других уровнях (стоит заметить, что в предложении оригинала помимо лексического происходят отклонения еще и на фонетическом уровне). Тем самым, второй переводчик не справился с переводческой задачей.

5. Do you reckon YOU can learn 'em anything?

Д. Учить их ты собираешься, что ли?

Э. Мы с вами не могли бы их, разумеется, ничему научить, напротив того, нам следует учиться у них.

Глагол to learn в диалекте, на котором говорит отец Гека, употребляется в значении глагола to teach, то есть научить, обучить, дать знания – это отклонение от лексической нормы языка.

В первом варианте перевода применена дистантная горизонтальная компенсация, использовано переспрашивание «что ли?», характерное для просторечий. Во втором варианте используется такая же техника, но через использование выражения «напротив того», вместо нормированного «вместо этого».

Оба переводчика одинаково неплохо справились с задачей, но на наш взгляд, более адекватной была бы передача лексемы через схожее по значению и стилистической окраске просторечное архаичное выражение «научать» - Думаешь, что ТЫ бы смог их чему-нибудь научать?

6. You've put on considerable many frills since I been away.

Д. Понабрался дури, пока меня не было!

Э. Ты за мое отсутствие страшно заважничал и начал поднимать нос.

To put on frills - стилистически сниженное выражение разговорной речи, обозначающее «манерничать, важничать, зазнаваться, задирать нос». Н.

Дарузес воспользовалась относительным эквивалентом «понабраться дури» - стилистическая окраска выражения стала еще более сниженной, но при этом сохранился экспрессивный оттенок высказывания, дополненный восклицанием. М. Энгельгардт применил абсолютные эквиваленты – «заважничать» и «поднимать нос», но украсил их прилагательным «страшно», которое не является нормированным усилением глаголов в русском языке. Оба переводчика совершили адекватную передачу высказывания.

7. After supper she got out her book and learned me about Moses and the Bulrushers, and I was in a sweat to find out all about him;

Д. В первый же день после ужина вдова достала толстую книгу и начала читать мне про Моисея в тростниках, а я просто разрывался от любопытства — до того хотелось узнать, чем дело кончится;

Примечание переводчика: Моисей — по библейскому преданию, один из древнейших предводителей еврейского народа, которого ребенком нашли в тростниках.

Э. После ужина вдовушка доставала большую книгу и принималась меня учить про Моисея и тростники. Я выбивался из сил, чтобы узнать про него всю подноготную.

To be in a sweat about something – стилистически сниженная идиома со значением «с нетерпением чего-то ждать, переживать насчет будущего». Также Гек неправильно произносит слово bulrushes как bulrushers. «Разрываться от любопытства» - абсолютный эквивалент идиомы. Н. Дарузес делает переводческую сноску, используя тем самым прием описательного перевода, но в основном тексте никак не отображает оговорку Гека. Энгельгардт приводит буквальный перевод идиомы – потеть, выбиваться из сил. Этот перевод сложно считать адекватным.

8. The widow, hey?--and who told the widow she could put in her shovel about a thing that ain't none of her business?"

Д. Вдова? Вот оно как! А кто это вдове позволил совать нос не в свое дело?

Э. Так, значит, вдова Дуглас заварила всю эту кашу? Ну, а по чьему приказанию она позволила себе вмешаться в дело, которое ее вовсе не касается?

В толковых словарях английского языка мы не обнаружили значения выражения «to put in a shovel». Из контекста можно сделать вывод, что оно, скорее всего, является эквивалентом выражений «вставлять свои пять копеек», «лезть не в своё дело». Оба переводчика привели абсолютные эквивалентные замены в лице выражений «совать нос не в свое дело» и «вмешиваться в дело, которое её не касается». М. Энгельгардт применил прием дистантной горизонтальной компенсации, используя просторечное слово «приказание» вместо нормированного «приказ» и разговорное выражение «заварить кашу». Его перевод можно считать более адекватным со стилистической точки зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальный язык формируется вместе со становлением нации, говорящей на нем. Он появляется благодаря ассимиляции территориальных диалектов, жаргонов, аргос, литературного языка, и стремится к становлению языковой нормы для всех народов, проживающих на территории страны. Диалект является формой существования национального языка, часто становящейся меньше выраженной с распространением глобализации и массовых средств информации. Но не смотря на это, диалект остается существенной частью языковой картины мира, и представляет собой значимый объект для исследования. Диалект в художественной литературе может придать социальный или территориальный окрас речи героя, создать яркий экспрессивный образ. Диалектная речь характеризуется отклонениями от литературной нормы, происходящими на нескольких уровнях – лексическом, грамматическом, и фонетическом. В нашей работе мы рассмотрели основные способы перевода диалектов в контексте художественной литературы. Данные способы включают в себя классические техники перевода, такие как использование эквивалентов, буквальный перевод, калькирование, компенсация. Отдельно мы классифицировали прием компенсации, как наиболее точный и адекватный способ перевода диалектной речи в литературе, по типологическим и топографическим признакам. Согласно им, компенсация бывает горизонтальной или вертикальной, и дистантной или контактной. Способы перевода были рассмотрены и оценены с точки зрения адекватности и эквивалентности.

В практической части был проведен анализ двух переводов романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» на русский язык, проведенный авторами Ниной Дарузес и Михаилом Энгельгардтом. Переводы расценивались с точки зрения эквивалентности и адекватности, подробно указывались использованные техники перевода, предлагались варианты решения переводческих задач.

В заключении хотелось бы отметить, что анализ отрывков, вырванных из контекста, усложняет общий анализ способов перевода диалектов. Компенсация диалектных единиц в художественном романе чаще всего является дистантной – то есть применяется на протяжении всего произведения в местах, где необязательно диалектизм присутствовал в оригинале. Опуская конкретные диалектизмы, трудно поддающиеся переводу, переводчик компенсирует речевые отклонения от нормы в других частях текста. С одной стороны, эта техника оправдана, так как воссоздает некоторую часть образа персонажа. С другой стороны – во время анализа переводов романа «Приключения Гекльберри Финна» мы столкнулись с тем, что переводчик, ища простые пути перевода и стараясь сохранить литературный стиль художественного произведения, нередко опускает ключевые особенности речи персонажей, тем самым стирая их индивидуальность и значимость для романа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Boland, S. The seven dialects in Huckleberry Finn // North Dakota quarterly. 1968. Vol. 36, No 3. P. 35-40.
2. Breckenridge, W. C. Missouri in books containing American local dialects. St. Louis, 1914.
3. Buxbaum, K. Mark Twain and American Dialect // American Speech. 1927. Vol. 2, No. 5. P. 233.
4. Buxbaum, K. Mark Twain and American Dialect // American Speech. 1927. Vol. 2, No. 5. P. 235.
5. Carkeet, D. The Dialects in Huckleberry Finn // American Speech. 1979. Vol. 51, No. 3. P. 315.
6. Carkeet, D. The Dialects in Huckleberry Finn // American Speech. 1979. Vol. 51, No. 3. P. 332.
7. Cassidy, F. C. Dialect studies : regional and social. The Hague : Mouton, 1973.
8. Mencken, H. L. The American Language. N.-Y., 1964. P. 464.
9. Minnick, C. H. Jim's language and the issue of race in Huckleberry Finn // Language and Literature. 2001. Vol. 10. P. 150.
10. Pederson, L. A. Mark Twain's Missouri Dialects : Marion County Phonemics // American Speech. 1962. Vol. 42, No. 4. P. 261.
11. Ruland, R. R. From Puritanism to postmodernism : A history of American literature / R. R. Ruland, M. Bradbury. Oxford : Taylor & Francis, 1991. P. 171.
12. Ruland, R. R. From Puritanism to postmodernism. P. 171.
13. Rulon, C. M. Geographical delimitation of the dialect areas in The Adventures of Huckleberry Finn // A various language : Perspectives on American dialects / ed. J. V. Williamson, V. M. Burke. N.-Y., 1971. P. 215-221.

14. Rundolf, V. Down in the Holler : A Gallery of Ozark folk speech / V. Rundolf, V. Willson. N.-Y.: Norman Okla, 1953.
15. The Cambridge history of English and American literature. 1919. Vol. 16. С. 33.
16. Timasi, S. Huck doesn't sound like himself : consistency in the literary dialect of Mark Twain // Language and Literature. 2001. Vol. 10. P. 135.
17. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. - СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр 'Академия', 2004. - 352 с.
18. Американский вариант английского языка. Под ред. Третьякова Ю.П. - СПб., 1996
19. Антрушина Г.Б. Стилистика современного английского языка, СПб, 2002 г., 288 с.
20. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка, М., 1962., 295 с.
21. Балдицын, П. В. Система жанров в творчестве М. Твена и американская литературная традиция : дис. . д-ра филол. наук. М., 2004. С. 145.
22. Балдицын, П. В. Система жанров в творчестве М. Твена. С. 150.
23. Балдицын, П. В. Система жанров в творчестве М. Твена. С. 147.
24. Беляева Т. М., Хомяков В. А., Нестандартная лексика английского языка, Л., 1985.
25. Бреева Л. В., Бутенко А. А. Лексико-стилистические трансформации при переводе. -<http://www.belraese2000.narod.ru/Trad/trasform01.htm>
26. Бродович О.И. Диалективная вариативность английского языка. -М., 1988
27. Ващенко, А. В. Фронтир // История литературы США. Т. 2. М. : Наследие, 1999. С. 350.

- 28.Виноградов В. В., Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития, М., 1967;
- 29.Волкович В.С. Американский английский: история и перспективы // Вопросы языкознания, 1986, № 3
- 30.Девкин В.Д. "Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики" М., Русский язык, 1994., 5-6 с.
- 31.Дешериев Ю.Д. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики. В кн.: Язык и общество. М., 1968, С. 55-81
- 32.Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М.: Наука, 1977.- 382 с.
- 33.Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2005. - www.lingvo.ru
- 34.Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
- 35.Коровушкин, В. П. Основы контрастивной социолектологии : монография : в 2 ч. Череповец : ЧГУ, 2005. Ч. I. С. 87.
- 36.Макарова, Л. С. Коммуникативнопрагматические аспекты художественного перевода : автореф. дис.д-ра филол. наук. М., 2006. С. 137.
- 37.Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. - 848 с.
- 38.Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. - Л., 1980
- 39.Русские писатели о переводе. XVIII-XX в./под ред. Ю.Д. Левина и А.В. Федорова. Введенский-переводчик. Принципы перевода - Л.: Советский писатель, 1960. - 696 с.
- 40.Самсоненко А.И. Диалекты США: особенности и характеристика. // Вопросы языкознания, 1979, № 4
- 41.Силько Л.В. и др. Американский английский язык. - М., 1992
- 42.Силько Л.В. и др. Американский английский язык. - М., 1992

- 43.Словарь лингвистических терминов // Под ред. О.С.Ахмановой. - М., 1964., 576 с.
- 44.Сорокин Ю. С., «Просторечие» как термин стилистики, в сб.: Доклады и сообщения филологического института ЛГУ, в. 1, Л., 1949;
- 45.Спэнкерн, К. Краткая история американской литературы. URL : http://www.gumer.info/bib-liotek_Buks/History/spankeren/22.php.
- 46.Т.А. Казакова // Практические основы перевода с английского на русский / «Издательство Союз», Санкт-Петербург, 2001 г.
- 47.Филин Ф. П., О структуре современного русского литературного языка, «Вопросы языкознания», 1973, № 2;
- 48.Циркунова С. А. Использование приема компенсации при переводе игры слов//Перевод: традиции и современные технологии (Сборник статей)/Под ред. И. И. Убина. - М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2002. - с. 32-41.
- 49.Шах-Назарова В.С. Практический курс английского языка. Американский вариант - М., 1989
- 50.Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. - М.: Наука, 1977
- 51.Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. -М., 1983.
- 52.Швейцер, А. Д. Функциональная стратификация языка. М. : Наука, 1985. С. 42.
- 53.Шурупова М.В. Языковые процессы в английской лексикологии в конце XX века // Актуальные проблемы романо-германской филологии: сб. науч. тр. – Орехово-Зуево: МГОПИ, 2007. – Вып. 8. – С. 51–52.
- 54.Яковлева М. А К вопросу о классификации различных видов компенсации, Московский государственный лингвистический университет, 2008г, http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/compesation.shtml

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Марк Твен Похождения Тома Сойера. Похождения Гекльберри Финна, пер. М. Энгельгардт, СПб.: Logos, 1997 г.
2. Марк Твен Приключения Гекльберри Финна М.: Детская литература, пер. Н. Дарузес, 1950 г
3. Mark Twain The Adventures of Huckleberry Finn, Dover Children's Thrift Classics, 1998

ПРИЛОЖЕНИЕ

Грамматические отклонения от нормы.

1. But I never said so, because it would only make trouble, and wouldn't do no good.

Д. Но говорить я этого не стал — все равно никакого толку не будет, одни неприятности.

Э. Впрочем, я не стал ей рассказывать о своем решении, так как это могло бы ее только рассердить и не принесло бы мне никакой пользы.

2. All I wanted was to go somewheres; all I wanted was a change, I warn't particular.

Д. Лишь бы удрать куда-нибудь, до того мне у них надоело, а куда — все равно.

Э. Мне вообще хотелось уйти куда-нибудь; куда именно — было для меня совершенно безразлично, так как я жаждал, в сущности, только перемены

3. Well, likely it was minutes and minutes that there warn't a sound, and we all there so close together.

Д. Ну, должно быть, времени прошло порядочно, и ничего не было слышно, а мы все были так близко друг от друга.

Э. В течение нескольких минут, показавшихся мне очень долгими, не слышно было ни одного звука, а между тем мы все трое почти касались друг друга.

4. Niggers is always talking about witches in the dark by the kitchen fire;

Д. Как стемнеет, негры всегда собираются на кухне у огня и разговаривают про ведьм;

Э. Когда стемнеет, негры, сидя возле огонька на кухне, всегда толкуют между собой про колдунов и ведьм.

5. But there warn't no Spaniards and A-rabs, and there warn't no camels nor no elephants.

Д. Но никаких испанцев и арабов там не было, верблюдов и слонов тоже.

Э. На самом деле мы не нашли там ни испанцев, ни арабов, ни слонов, ни верблюдов.

6. They talked it over, and they was going to rule me out, because they said every boy must have a family or somebody to kill, or else it wouldn't be fair and square for the others.

Д. Посоветовались они между собой и уж совсем собрались меня вычеркнуть, потому что, говорят, у каждого мальчика должны быть родные или кто-нибудь, кого можно убить, а то другим будет обидно.

Э. По этому спорному вопросу возгорелись жаркие прения. Меня хотели было исключить из числа кандидатов в разбойники, ссылаясь на отсутствие семьи или вообще человека, которого в случае моей измены можно было бы зарезать, вследствие чего я оказывался будто бы в более выгодном положении, чем остальные члены шайки.

7. "How you going to get them?"

Д. — Как же это ты их вызовешь?

Э. — Да как же ты их вызовешь, этих духов?

8. He listened some more; then he come tiptoeing down and stood right between us; we could a touched him, nearly.

Д. Он еще послушал, потом подошел на цыпочках и остановился как раз между нами: можно было до него дотронуться пальцем.

Э. Не получая ответа, он снова начал прислушиваться, а потом вышел на цыпочках из кухни и остановился как раз в промежутке между мною и Томом. Мы были от него так близко, что чуть не дотрагивались до него.

9. So Tom got out a sheet of paper that he had wrote the oath on, and read it.

Д. И вот Том достал листок бумаги, где у него была написана клятва, и прочел ее.

Э. Том вытащил из кармана лист бумаги, на котором была написана присяга, и прочел ее нам вслух.

10. So I knowed, then, that this warn't pap, but a woman dressed up in a man's clothes.

Д. Вот потому-то я и догадался, что это был вовсе не отец, а какая-нибудь утопленница в мужской одежде.

Э. Обдумав хорошенько, я вспомнил, что утонувшие мужчины никогда не плавают брюхом вверх, и тотчас же сообразил, что вместо моего отца похоронили какую-нибудь женщину в мужском платье.

11. "Well, hain't he got a father?" says Tom Sawyer.

Д. — Ну и что ж, ведь отец у него есть? — говорит Том Сойер.

Э. — Да ведь у него есть отец, — возразил Том Сойер.

12. "Here's Huck Finn, he hain't got no family; what you going to do 'bout him?"

Д. — А вот у Гека Финна никаких родных нет; как с ним быть?

Э. — Ну, а вот, например, Гек Финн, у которого нет семьи! Как же мы применили бы к нему этот пункт?

13. That was good! Says I, "me-yow! me-yow!" as soft as I could, and then I put out the light and scrambled out of the window on to the shed.

Д. Вот здорово! Я тоже мяукнул еле слышно: “Мяу! Мяу!” — а потом погасил свечку и вылез через окно на крышу сарая.

Э. «Ну, это ладно», — сказал я сам себе и тотчас же ответил в свою очередь: «Мяу-мяу!..» — по возможности мягким и нежным тоном, потушил свечу, вылез из окна на крышу сарая.

14. "I hain't got no money."

Д. — Нет у меня никаких денег.

Э. — Денег у меня нет.

15. Why can't the widow get back her silver snuffbox that was stole?

Д. Почему вдова не может вымолить серебряную табакерку, которую у нее украли?

Э. Отчего самой госпоже Дуглас до сих пор не была еще ниспослана украденная у нее серебряная табакерка?

16. "We ain't burglars. That ain't no sort of style."

Д. Мы не воры. В воровстве никакого блеску нет.

Э. Мы же не грабители, а настоящие разбойники, рыцари большой дороги.

Фонетические отклонения от нормы.

1. Yo' ole father doan' know yit what he's a-gwyne to do. Sometimes he spec he'll go 'way, en den agin he spec he'll stay. De bes' way is to res' easy en let de ole man take his own way. Dey's two angels hoverin' roun' 'bout him. One uv 'em is white en shiny, en t'other one is black. De white one gits him to go right a little while, den de black one sail in en bust it all up. A body can't tell yit which one gwyne to fetch him at de las'. But you is all right. You gwyne to have considable trouble in yo' life, en considable joy. Sometimes you gwyne to git hurt, en

sometimes you gwyne to git sick; but every time you's gwyne to git well agin. Dey's two gals flyin' 'bout you in yo' life. One uv 'em's light en t'other one is dark. One is rich en t'other is po'. You's gwyne to marry de po' one fust en de rich one by en by. You wants to keep 'way fum de water as much as you kin, en don't run no resk, 'kase it's down in de bills dat you's gwyne to git hung.

Д. — Ваш папаша сам еще не знает, что ему делать. То думает, что уйдет, а другой раз думает, что останется. Всего лучше ни о чем не беспокоиться, пускай старик сам решит, как ему быть. Около него два ангела. Один весь белый, так и светится а другой — весь черный. Белый его поучит-поучит добру, а потом прилетит черный и все дело испортит. Пока еще нельзя сказать который одолеет в конце концов. У вас в жизни будет много горя, ну и радости тоже порядочно. Иной раз и биты будете, будете болеть, но все обойдется в конце концов. В вашей жизни вам встретятся две женщины. Одна блондинка, а другая брюнетка. Одна богатая, а другая бедная. Вы сперва женитесь на бедной, а потом и на богатой. Держитесь как можно дальше от воды, чтобы чего-нибудь не случилось, потому вам на роду написано, что вы кончите жизнь на виселице.

Э. — Ваш старик отец не знает теперь и сам, что будет делать. Иной раз ему приходит на ум уйти, а потом он думает, что лучше, пожалуй, остаться. Для вас лучше всего сидеть совершенно спокойно в ожидании, пока старик на что-нибудь решится. Вокруг него летают два ангела: один из них белый, такой блестящий, а другой — совсем черный. Белому ангелу иной раз удастся провести его немножко прямой дорогой; но как только подлетит черный ангел, ваш старичок сейчас же сбивается с пути. Никто теперь не может сказать наверняка, который из ангелов уведет его под конец с собою. Для вас самих, напротив, все обстоит благополучно. У вас в жизни будут большие неприятности и большие радости. С вами будут приключаться время от времени разные беды и не счастья, вы будете даже прихварывать, но каждый раз будете выздоравливать, и все окончится благополучно. На вашу жизнь будут иметь влияние две девушки, одна блондинка, другая

брюнетка, одна богатая, другая бедная. Вы сперва женитесь на бедной, а потом мало-помалу и на богатой. Вам надо держаться возможно дальше от воды и воздерживаться от рискованных поступков, а то, чего доброго, как это предвидит комок шерсти, вас могут еще, пожалуй, повесить.

2. You think you're better'n your father, now, don't you, because he can't?

Д. Думаешь, отец тебе и в подметки теперь не годится, раз он неграмотный?

Э. Уж не считаешь ли ты себя умнее отца оттого, что он не занимался такими глупостями?

3. Tom poked about amongst the passages, and pretty soon ducked under a wall where you wouldn't a noticed that there was a hole.

Д. Том потолкался по проходам и скоро нырнул под стенку в одном месте, — вы бы никогда не заметили, что там есть ход.

Э. Том принялся заглядывать в разные боковые его ходы. Вскоре он нагнулся и исчез в стене, где никто посторонний и не заметил бы существования отверстия.

4. I thought it all out, and reckoned I would belong to the widow's if he wanted me, though I couldn't make out how he was a-going to be any better off then than what he was before, seeing I was so ignorant, and so kind of low-down and ornery.

Д. Все это я обдумал и решил, что лучше пойду под начало к богу вдовы, если я ему гожусь, хотя никак не мог понять, на что я ему нужен и какая от меня может быть прибыль, когда я совсем ничего не знаю, и веду себя неважно, и роду самого простого.

Э. Придя к такому заключению, я решил отдаться Про видению вдовушки, если Ему представится во мне какая-нибудь надобность. Вместе с тем, однако, я не мог сообразить, какую выгоду получит Оно от этой

операции, так как сознавал себя простым, невежественным, грубым и неблаговоспитанным мальчишкой.

5. He set there a-mumbling and a-growlin g a minute, and then he says

Д. Он долго бормотал и ворчал что-то себе под нос, потом сказал:

Э. Он еще с минутку сидел, шевеля губами и бормоча себе что-то под нос, а затем сказал...

6. AIN'T you a sweet-scented dandy, though? A bed; and bedclothes; and a look'n'-glass; and a piece of carpet on the floor--and your own father got to sleep with the hogs in the tanyard.

Д. Подумаешь, какой неженка! И кровать у него, и простыни, и зеркало, и ковер на полу, — а родной отец должен валяться на кожевенном заводе вместе со свиньями!

Э. Этакий, подумаешь, раздушенный франт! Чего у него только нет в комнате?! Кровать с простынями и одеялами, зеркало, коврики на полу, а между тем родной его отец спит вместе со свиньями в заброшенной кожемятке!

7. I never see such a son. I bet I'll take some o' these frills out o' you before I'm done with you. Why, there ain't no end to your airs--they say you're rich.

Д. Хорош сынок, нечего сказать! Ну да я с тобой живо разделаюсь, всю дурь повыбью! Ишь напустил на себя важность — разбогател, говорят!

Э. Нечего сказать, хорош сынок!.. Ручаюсь, что прежде, чем ты от меня отделаешься, я отучу тебя от таких мерзостных затей и прихотей! Нечего тебе чваниться перед отцом и воображать себя Бог знает какой важной птицей! Говорят, кстати, будто ты стал богатым человеком.

8. I've been in town two days, and I hain't heard nothing but about you bein' rich.

Д. Два дня я пробыл в городе и только слышу что про твое богатство.

Э. Я здесь в местечке уже целых два дня, и все мне рассказывали, что ты страшно разбогател.

9. If you are with the quality, or at a funeral, or trying to go to sleep when you ain't sleepy--if you are anywheres where it won't do for you to scratch, why you will itch all over in upwards of a thousand places.

Д. Я это сколько раз потом замечал: если ты где-нибудь в гостях, или на похоронах, или хочешь заснуть и никак не можешь — вообще, когда никак нельзя чесаться, — у тебя непременно зачесется во всех местах разом.

Э. Кстати, мне доводилось замечать не раз впоследствии за собою это свойство: как только находишься в приличном обществе или на похоронах, пытаешься уснуть, не чувствуя к этому особенной охоты, — короче говоря, каждый раз, когда чесаться совсем некстати, непременно ощущается позыв к этому чуть ли не в тысяче местах.

10. Who told you you might meddle with such hifalut'n foolishness, hey?-- who told you you could?

Д. Кто тебе велел набираться дурацкого благородства? Скажи, кто это тебе велел?

Э. Скажи на милость, кто мог вбить в твою голову, будто тебе приличествует заниматься такими сумасбродными вещами? Желал бы я знать, кто именно осмелился это сделать?

11. But per'aps if we keep them till they're ransomed, it means that we keep them till they're dead."

Д. Может, это значит, что надо их держать, пока они не помрут.

Э. Вероятно, мы будем держать их у себя в пещере до тех пор, пока они не умрут своей смертью.

12. It's a lie. Judge Thatcher's got it. You git it. I want it.

Д. Врешь! Они у судьи Тэтчера. Ты их возьми. Они мне нужны.

Э. Ты лжешь!!! Они у судьи Татчера! Изволь взять их у него завтра утром! Они мне нужны.

12. Looky here--mind how you talk to me; I'm a-standing about all I can stand now--so don't gimme no sass.

Д. Слушай, ты как это со мной разговариваешь? Я терпел, терпел, а больше терпеть не намерен, так что ты мне не груби.

Э. Гляди мне прямо в глаза и берегись меня обманывать! Ты все равно меня, брат, не проведешь! Я не из таковских, а потому лучше и не пытайся врать.

Лексические отклонения от нормы.

1. Well, when Tom and me got to the edge of the hilltop we looked away down into the village and could see three or four lights twinkling, where there was sick folks, maybe;

Д. Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву и поглядели вниз, на городок, там светилось всего три или четыре огонька, — верно, в тех домах, где лежали больные;

Э. Взобравшись на самую вершину холма, находившегося позади дома госпожи Дуглас, мы окинули взглядом деревушку, лежавшую внизу, и заметили три или четыре огонька, мерцавших в окнах домов, где, вероятно, имелись больные.

2. Then Miss Watson she took me in the closet and prayed, but nothing come of it. She told me to pray every day, and whatever I asked for I would get it.

Д. Потом мисс Уотсон отвела меня в чулан и стала молиться, но ничего не вышло. Она велела мне молиться каждый день — и чего я попрошу, то и дастся мне.

Э. Затем мисс Ватсон отвела меня в особую комнату и принялась там усердно молиться за мое исправление, но никакого толку из этого не получилось. Она велела мне молиться каждый день и обещала, что в таком случае мне ниспослано будет все, о чем я буду просить.

3. Pap he hadn't been seen for more than a year, and that was comfortable for me;

Д. Моего отца у нас в городе не видали уже больше года, и я совсем успокоился; я его и видеть-то больше не хотел.

Э. Родной мой отец находился в безвестном отсутствии уже более года, и это обстоятельство было для меня весьма приятно, так как я не имел ни малейшего желания опять с ним свидеться.

4. There is ways to keep off some kinds of bad luck, but this wasn't one of them kind;

Д. В некоторых случаях можно отвести беду, только это был не такой случай.

Э. В некоторых случаях удастся предотвратить такую беду теми или иными способами, но я знал, что на этот раз они неприменимы, а потому даже не пытался прибегать к предохранительным мерам.

5. Well, I'll learn her how to meddle.

Д. Ладно, я ей покажу, как соваться, куда не просят!

Э. Ну, ладно, я проучу ее за вмешательство!

6. It's something they give me for learning my lessons good

Д. — Это мне дали за то, что я хорошо учусь.

Э. — Я получил это в награду за прилежание и успехи.